

СЛОВА, УПАВШИЕ В ВОДУ

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ ГУАНСИ

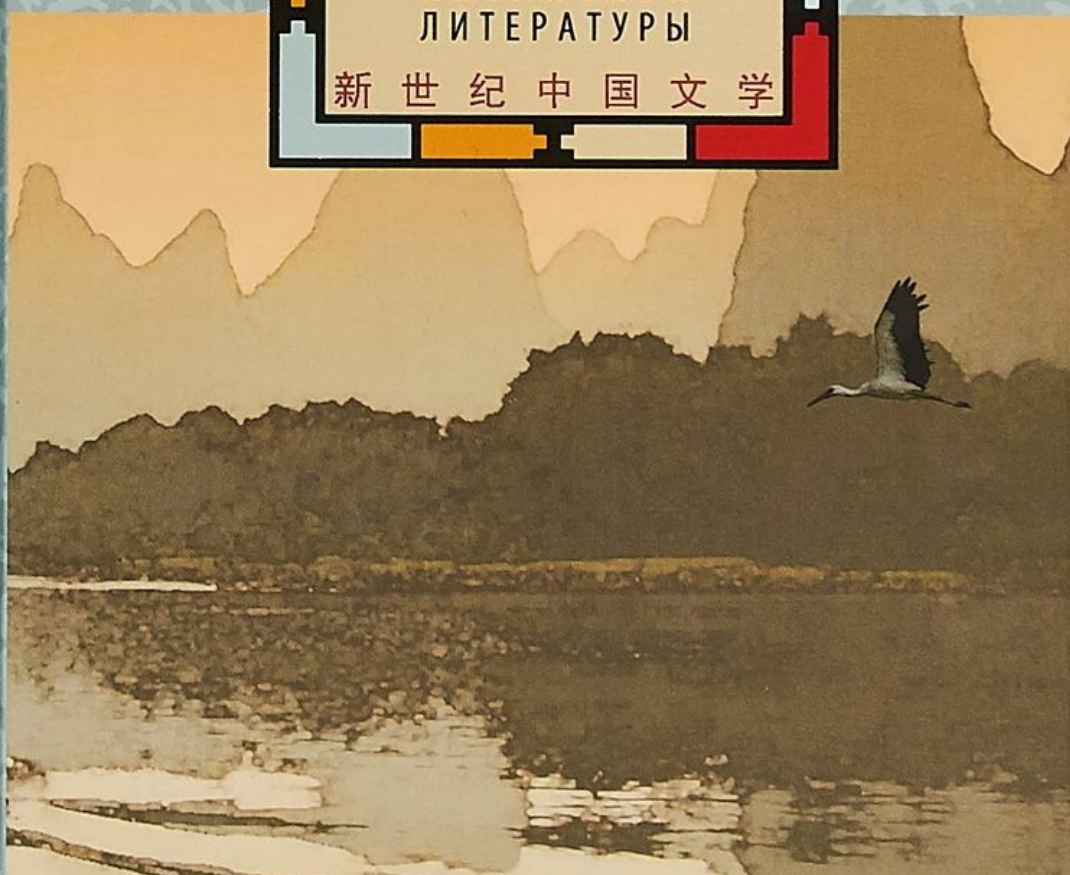
НОВЫЙ ВЕК
КИТАЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

新世纪中国文学

СЛОВА, УПАВШИЕ В ВОДУ

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ ГУАНСИ

СЛОВА, УПАВШИЕ В ВОДУ

Современная поэзия Гуанси

(антология)

ГИПЕРИОН

Санкт-Петербург

2018

Издание осуществлено при поддержке Гуансийского университета национальностей

Ответственный редактор и составитель *А. А. Родионов*

掉进水里的话
广西当代诗歌集

- © Ши Цайфу, предисловие, 2018
- © Авторы, 2018
- © Д. Р. Валеева, перевод, 2018
- © Е. И. Митькина, перевод, 2018
- © М. Я. Пономарева, перевод, 2018
- © А. А. Родионов, составление, перевод, 2018
- © А. О. Филимонов, перевод, 2018
- © М. В. Черевко, перевод, 2018
- © Издательский Дом «Гиперион», 2018

* * *

Гуансийская поэзия в контексте НОВОЙ ЭПОХИ

(Пер. А. А. Родионова)

В 2018 году исполняется сорок лет началу проведения в Китае политики реформ и открытости. За это время страна добилась огромных успехов в экономике, привлекая внимание всего мира, но не меньше выдающихся достижений имеется и в китайской литературе. Если оглянуться на историю китайской словесности за век с лишним, то мы увидим, что современная литература Китая, как в самом творчестве, так и в теории, испытала влияние и импульсы со стороны иностранных, в особенности европейской и американской, литератур. С приходом XXI века это влияние ничуть не ослабло. После получения Нобелевской премии по литературе Мо Янем в 2012 году влияние китайской литературы в мире достигло новых высот, а литературное творчество на китайском языке стало оцениваться и пониматься по-новому. На таком фоне современная китайская поэзия стала уникальным явлением. Некоторые критики и поэты даже полагают, что по сравнению с другими жанрами именно китайская поэзия первой достигла высот мировой литературы.

Однако на пути развития китайской поэзии не всегда дул попутный ветер, она прошла через поиски и извилистые тропы. После того как китайская поэзия преодолела путь от просветительского этапа «движения 4-го мая 1919 года» до исканий туманных поэтов 1980-х годов, а также, по мере усиления влияния постмодернизма, такие ведущие представители третьего поколения поэтов, как Янь Ли, Юй Цзянь, Хань Дун, И Ша, Шэнь Хаобо, вернули китайскую поэзию в языковую систему традиционного стихосложения. Так китайская поэзия постепенно восстановила свои жизненные силы. В условиях стремительного развития интернет-технологий в XXI веке модернизация поэтического языка беспрецедентно ускорилась, именно субъекты поэтического творчества на разговорном языке стали определять творческую ситуацию и направления развития на всей поэтической арене. Однако стихи на разговорном языке вызывают и наибольшее отторжение. Причина этого в том, что поэзия на разговорном языке опрокидывает устоявшиеся эстетические взгляды и формирует

новое, неудержимое искусство. На самом деле внедрение разговорной речи в поэзию началось не сегодня. Еще в Танскую эпоху^[1] такие поэты, как Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, широко использовали в своем творчестве повседневную речь и создали бесчисленное множество стихотворений, горячо любимых в народе. Культура эпохи Тан была всеохватной, позволяла учиться и общаться с народами разных стран, из-за чего она обрела открытость и интернациональность. Вслед за этим произошел взлет танской поэзии, ставшей образцом того, как можно учиться у всего мира. Ведущие поэты эпохи Тан прибегали в творчестве к простому общепонятному языку, опрокинув таким образом дотанскую систему поэтического языка. Широкое хождение и споры вокруг стихов на разговорном языке за последние двадцать лет — это культурный феномен, который наводит на размышления. Не все готовы согласиться с такими переменами, предпочитая не замечать очевидной свежести и жизненной силы поэзии на разговорном языке. Они рассматривают через увеличительное стекло неудачные образцы такой поэзии, упрощенчески определяя стихотворчество на разговорном языке как «слюноотделение» и «легкотню». При этом такие критики берут за образец многочисленные поэтические тексты на устаревшем, косном языке, ничего не выражающие и морочащие голову, дезориентируя любителей поэзии. На самом деле, все больше людей понимают, что творчество на разговорном языке следует пульсу эпохи, придерживается творческих принципов, в центре которых находится человек, оно ближе к жизни, более человечно и, без сомнения, является верным путем развития поэзии в новую эпоху.

В такую эпоху и на таком фоне какой облик имеет поэзия Гуанси?

Китай обладает обширной территорией, в географическом отношении имеются огромные отличия между его Севером и Югом, Востоком и Западом. Однако в Китае, начиная со времен императора Цинь Шихуана^[2], перешли к единой письменности, а образованные люди стали осознавать культурное единство китайской нации. Область Гуанси расположена на юго-западе Китая, большая часть ее площади имеет карстовый рельеф, здесь много извилистых горных хребтов, украшенных частоколом вершин. Еще здесь протекает красная река Хуншуйхэ, а также расположено северное побережье Тонкинского залива Южно-Китайского моря. До того как империя Цинь присоединила к единому государству Линнань^[3] здесь были совершенно дикие края. После сооружения канала Линцуй^[4] произошло объединение водных систем Янцзы и реки Чжуцзян, что способствовало распространению культуры с центральной равнины на юг,

постепенно это влияние охватило и Гуанси. Когда Ханьский император У-ди (157–87 гг. до н. э.) открыл морской Шелковый путь, гуансийский уезд Хэпу^[5] превратился в важный пункт торговых и культурных связей между Востоком и Западом. Кроме того, Гуанси-Чжуанский автономный район — это место высокой концентрации национальных меньшинств Китая, где пятидесятиmillionное население включает в себя двенадцать коренных народов. Если не считать ханьцев^[6], то здесь больше всего чжуанов. Долгое сосуществование и совместное развитие многих народов привело к формированию в этом районе самобытной национальной культуры. Она и унаследовала дух ханьской культуры, и сохранила культурные гены каждой из этнических групп, добившись процветания и развития. На Юге много воды, а дождь является самым щедрым даром природы южным районам. Но кроме дождевой воды, здесь есть великое разнообразие пышной растительности, не только придающей Югу красоту, но и наполняющей его духом зеленой стихии. Каждый год в сезон дождей радостно поднимаются реки, набирается плодородия земля. Гуансийская поэзия — это реки, водопады, родники и ручейки городов и сел этого края.

Подобный фон и обстановка обусловили красочное разнообразие и природное буйство современной поэзии Гуанси.

Малая часть из представленных в данном сборнике гуансийских поэтов родились в 50-е годы XX века, им сейчас уже перевалило за шестьдесят лет. Гораздо же больше среди них рожденных в 60–70-е годы, им сейчас по сорок-пятьдесят лет. Взросление этих людей пришлось на самые важные этапы в истории современного Китая, в частности, на культурную революцию и период реформ и открытости. Огромные изменения окружающей действительности, без сомнения, глубоко влияют на людей. Это влияние неизбежно отражается и в поэтических произведениях. Самое прямые проявления этого в следующем: их мышление раскрепощено, а суждения независимы и глубоки. В их стихах можно почувствовать жизнь, разительно отличающуюся от прошлых времен. Они — мыслители и пахари царства поэзии, опьяненные поэтическим искусством и всем, что связано со стихосложением. Их повседневная жизнь тесно связана с гуансийской землей, их стихи и мысли неотделимы от нынешней эпохи.

Гуанси относится к числу сравнительно периферийных регионов, в экономическом развитии она несколько отстает от восточных приморских районов Китая и некоторых передовых внутренних провинций, культурное строительство здесь раньше тоже находилось в упадке. Однако вслед за углублением политики реформ и открытости экономическая роль Гуанси

непрерывно повышалась, а вера в культурный потенциал постоянно укреплялась. Пройдя через длительные поиски, гуансийская поэзия вслед за изменением общей ситуации в китайской поэзии вступила на новый этап развития. Стихотворчество отразило постоянное обновление понятий, обогатились и обрели большую гибкость средства выразительности, что привело к появлению искусства, воплотившего особенности существования в определенную эпоху. Тем самым на общем социальном фоне смогли проявиться разные художественные индивидуальности.

Вступившая в новую эпоху гуансийская поэзия, как в авторском плане, так и с точки зрения самих произведений, испытала новый подъем. Проявляют большую активность многочисленные народные поэтические общества, пользуются популярностью разнообразные народные поэтические журналы, небывалого расцвета достигла сетевая поэзия. Наиболее активных поэтов можно разделить на три группы. Во-первых, это поэты, родившиеся в 60-х годах XX века, такие как Лю Пинь, То Фу, Пань Мяобинь, Пан Бай, Тянь Няо, Тянь Сян, Хуан Жэньси, Чжоу Тункуань, Шэнь Хайгуан, Да До и Гун Ма. Именно эти, находящиеся в самом расцвете сил, литераторы несут знамя гуансийской поэзии, ведя за собой остальных. Во-вторых, это такие поэты, родившиеся в 70-х годах XX века, как Три А, Чжу Шаньпо, Ган Цзы, Лю Чунь, Ян Хэ, Хуан Кайбин, Ху Цзыбо и Цзи Сяоци. Эти только что вступившие в средний возраст поэты демонстрируют дух плюрализма и свободы, они стали надежной опорой гуансийской поэзии. В-третьих, это родившиеся в 80-х годах поэты, как Лу Хуэйянь, Хоу Цзюэ, Чэнь Хуаин, Ню Ихэ и Ку Ляньшу, которые своим разнообразием и стремлением к поискам создают широкую перспективу для будущего. Что же касается более молодых литераторов, родившихся в 90-е годы, то к ним относятся Цзян Цайюнь, Шэнь Тяньюй, к родившимся в нулевые годы — Ши Вэйла и др. Хотя лотос их таланта только пустил первые ростки, они уже достигли выдающихся успехов.

Знаменитый писатель Дун Си в основном пишет прозу, однако в молодые годы он публиковал и стихи. В последнее время поэзия, изредка выходящая из-под его пера, весьма незаурядна и поражает читателей. Наиболее характерно в этом отношении его стихотворение «Продать душу». Поэты То Фу и Лю Пинь отличаются тем, что долго шлифуют каждое произведение, их взор сосредоточен на реальной жизни, их привлекают чувства и судьба человека. В последние годы они опубликовали немало замечательных стихов, в частности, это «Рассуждения волка», «Две полюбившие друг друга пули» Лю Пиня. Лю Пинь питает особое пристрастие к истории и культуре Китая, умеет через

них обращаться к современной реальности, его язык острый и уверенный. Творчество То Фу в последние годы обрело наилучшую форму, его поэтический стиль отличается простотой, легкостью и юмором. Он умело подает большое через малое, в его мягкости скрывается твердость, этот поэт является большим мастером многозначительных намеков и глубоких смыслов. К его характерным работам относятся вошедшие в данный сборник стихотворения «День детей», «Старый дом», «Бочка», «Река Или» и др. Все другие поэты из числа родившихся в 1960-е годы, вроде Хуан Жэньси, Чжоу Тункуаня, Шэнь Хайгуана, Да До, и из родившихся в 1970-е годы, вроде Жун Биня, словно нащупали пульс эпохи, физически и идейно обрели небывалое раскрепощение, у всех них есть замечательные произведения. К таким относятся «Дрессирует собаку», «Польза балкона», «Изображения святых» Хуан Жэньси, «Черная кошка и белая кошка» Чжоу Тункуаня, «Прогулка» Шэнь Хайгуана, «Этот год» Жун Биня и др.

Заслуживает всяческих похвал и творчество таких новых гуансийских поэтов, как Ган Цзы, Ян Хэ, Хэ Шо, Ку Ляньшу, Чэнь Хуаин, Цзян Цайюнь, Шэнь Тяньюй, Ши Вэйла и др. Стихотворение Ган Цзы «Должно быть, очки носят непорочные люди», произведение Ян Хэ «Жизнь вновь обрела динамизм», «Истина» Хэ Шо, «Материнская привязанность» и «Отцовские деньги» Ку Ляньшу, «История», «Крокодил», «Лампа» и «Карма» Цзян Цайюнь, «Под мостом» Шэнь Тяньюя, «Когти и клыки» и «Выжимая влагу» Ши Вэйла и т. д. обращены к реальности, несут в себе и человеческую теплоту и боль, им чужда виртуозная техника и показная красота, они отличаются искренностью и силой.

Такие поэты, как Лю Чунь, Пань Мяобинь, Хуан Кайбин, Лу Хуэйянь, Три А, Чжу Шаньпо, Пан Бай, Цзи Сяоци, Тянь Няо, Тянь Сян и Хоу Цзюэ, в своем творчестве проявляют большое своеобразие. Лу Хуэйянь можно назвать наиболее успешной из гуансийских поэтесс последнего времени. Ее поэзия сочетает в себе строгость и изысканность академической школы с относительной свободой. Ее поэтичность рождается из тонких и острых наблюдений и вбирает в себя драгоценное женское сочувствие и размышления. К характерным произведениям Лу Хуэйянь относятся «Большое яблоко», «Оковы», «Кольцо» и «Сообщения о подкидышах». Хуан Кайбин — урожденный гуансиец, но сейчас большую часть времени скитается с женой и ребенком в Шэньчжэне^[7], где борется за лучшую жизнь. Он не получил приличного образования, но его страсть к учебе поражает, он продемонстрировал удивительные таланты в литературе, истории, искусстве (особенно в каллиграфии). Тяготы жизни и художественная закалка обусловили прямоту и силу поэзии Хуан Кайбина,

удивительной красотой отличаются его циклы «Вера» и «Пустой город». Три А в свою очередь держится на передовой китайского поэтического авангарда, его основное направление — творчество на разговорном языке, и в этом он достиг неординарных успехов. Его стиль весьма самобытен, язык чист и гибок, строки бьют в самое сердце.

Выше изложено общее положение дел в гуансийской поэзии новой эпохи, оно справедливо и для стихотворений, вошедших в данный сборник. Поэзия — это искусство слова, но еще больше искусство чувств. Поэзия является отражением и записью действительности, но одновременно она воссоздает и деконструирует эту действительность. Читатель книги сможет сам почувствовать и оценить это.

Ши Цайфу

Три А

三个八

(род. 1974)

*Пер. М. Я. Пономаревой,
А. О. Филимонова*

Южный снег

Настала студёная зима,
по всей стране льют дожди и падает снег.
Я сварил чашку
белого южного риса
и выложил фотографию в группу,
рассказав друзьям,
что южный снег
именно такой.

Поколение моей матери

Мать пережила культурную революцию,
перенесла великий голод,
клеймо крестьянки-единоличницы,
перенесла деревенское одиночество,
родовые муки,
горечь бедности,
преодолела с больным ребенком на спине
переход в двадцать километров до больницы,
вытерпела эпоху молчания,
пережила годы, опалённые
великим пожаром.

Её жизнь ничем не отличалась
от жизни людей её поколения,
которые состарились в лучшие годы,
исхудали среди грёз о достатке.
Мать родила пятерых детей,
эти пятеро
породили десяток внуков.
Всю жизнь она хлопотала,
перенесла боли в желудке и шум в ушах,
простуду и жар,
бессонницу и головную боль,
и непривычный климат,
пережила полнолуния и ущерб луны.
Когда она, измученная, уснёт,
то переживёт всепоглощающее пламя,
и станет вдыхаемым нами каждый день
воздухом.

Не отказывайтесь

Не отказывайтесь от грязной тропинки после дождя
от тени под луной,
от радости, следующей за скорбью,
от песчинок в мягких башмаках,
от холода зимнего нужника,
от одиночества в дороге,
от бушующего моря,
от настойчивых увещаний родителей,
от стрекота насекомых в траве,
от завываний и стонов глухой ночи,
не отказывайтесь мечтать.
Как бы обыкновенны ни были будни,
не отказывайтесь от душевных порывов —
дайте им пламенеть.
А когда температура перевалит за сорок —
пусть в больнице вам сделают укол.

Инвалидное кресло отца

Отец ходит с трудом,
за десять лет
он сменил два инвалидных кресла.
Каждый раз, когда он
возвращается домой,
я обнаруживаю,
что в его отсутствие,
глядя
на незанятое кресло,
я невольно подхожу к нему,
и, копируя отца,
усаживаюсь прямо,
положив руки на подлокотники,
или я слушаю
музыку с телефона,
размышляя о жизни.
На мгновение
я возвращаюсь
в опустевшую
деревню моего детства.

Скорбь буйвола

Буйвол невозмутим,
на улицах городка
беззаботно жуёт траву, —
так некоторые звёзды шоу-бизнеса
жуют жвачку.
На шее буйвола
наросты грубых мозолей,
роняющие под ветром
ороговевшие кусочки шкуры.
Глаза его
по-особому ярки,
он не моргает,
даже глядя на раскалённое солнце.
Когда он, впряжённый в телегу,
побредёт восвояси,

улицы городка
опустеют.

У меня есть нож

Прежде он был полоской железа,
тогда, будучи со мной,
он никому не угрожал.
Когда же я стал затачивать нож,
всё острее и острее,
неприятностей случалось всё больше.
Каждый раз, когда я прохожу проверку безопасности,
меня уводят для составления протокола,
для дачи объяснений о происхождении и цели ножа
и чтобы убедиться, что я ещё никого не зарезал.
Ножи, которые я ношу с собой,
изымают раз за разом,
оставляя мне стальной гнев и одиночество.

Волшебная кисть Ма Ляна^[8]

Белый цвет
он перекрасит в чёрный,
чёрный
обратит в жёлтый,
жёлтый у него
станет красным,
красный
он пересотворит в синий,
синий сгустит
в тёмный,
тёмный
преобразит в золотой.
А если результат
обманул ожидания,
тогда художники
перекрашивают снова и снова,
пока не добьются

мнимого успеха.
Этот мир
принадлежит им.
Если какому-то цветку
не повезло с яркостью,
они добавят к нему
немного грунта,
чтобы его уравновесить,
а если ничего не выйдет,
они закрасят его
чёрной краской,
угольно-чёрной чернотой,
или белым,
чтобы начать сначала.
Даже если во всём мире
останется только один цвет,
они не выпустят
кисти из рук.
Они — это Ма Лян
с волшебной кистью в руке.
Пока художник жив — кисть существует,
не станет художника — кисть исчезнет.

Бизнес

Для привлечения посетителей,
оздоровительное учреждение
бесплатно раздаёт куриные яйца,
и посещающим его старикам
читают лекции о здоровом образе жизни.
Несколько дней назад
с одним стариком
во время лекции
случился ишемический инсульт, —
его увезли в больницу,
спасти старика так и не смогли.

Дун Си

东西

(род. 1966)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Продажа души

Я сбрил усы,
стрелка показала 70 кг,
когда я встал на весы.
Вес мой не изменился,
а ведь усы полностью сбрить!
Широко раскрытыми глазами
разглядываю своё широкое лицо.
Как оказалось, столь важный предмет
ничего не весит.

Получив гонорар,
я встал на весы —
и опять стрелка на 70 кг.
Получается, мое благосостояние нельзя взвесить.
Когда я влюблён,
нельзя взвесить мою нежность,
после ссоры
мой гнев как пушинка.
Если кто-то умирает,
моя скорбь неизмерима.
Заснув,
я владею несметными богатствами,
в окружении красавиц,
или когда демоны выпивают всю мою кровь,
я просыпаюсь вдруг среди ночи и встаю на весы,
их стрелка неизменно на 70 кг.

Однажды я продал душу,

и стрелка рванулась вниз.
Кто сказал, что душа весит всего 21 грамм?
На самом деле её чистый вес — 70 килограммов.

Питомцы

По выходным я увеличиваю кошачью порцию,
и в праздники я увеличиваю кошачью порцию,
питомцы, кивая головами и размахивая хвостами,
выглядят сытыми и довольными.

В дни рождения увеличиваю им порцию,
и в памятные дни увеличиваю им порцию,
а они только и делают, что притворяются милыми,
никогда не узнают,
за что им накладываю больше.

Как выглядит человек после смерти

Никто никогда не видел себя после смерти,
но вы ведь понимаете,
что после смерти вы словно стоите в очереди,
руки прижаты к бёдрам, грудь выпячена, живот втянут
и взгляд устремлён прямо перед собой.
После смерти вы словно пьяный —
лицо побагровело, шея вздулась, всё тело налито свинцом,
а грудь заполнена спёртым гневом.

После смерти вы выглядите сосредоточенным —
брови сдвинуты, зубы стиснуты,
вы безразличны к окружающему шуму.

После смерти вы словно спите крепко-крепко,
без хлопот и забот погрузившись в страну грёз,
одна нога мёрзнет, высунутая из-под одеяла.

Каким вы являетесь в жизни,
таким и будете после смерти,
следует лишь надеть новую одежду

и закрыть глаза.

В Освенциме

Сначала я разглядел колючую проволоку,
и по позвоночнику прополз холодок,
потом увидел комнату, пол которой устлан срезанными волосами,
и мне стало не хватать воздуха.

Обувь казнённых свалена грудой,
её не успели унести,
спортплощадка заставлена коробками из-под еды,
целая витрина очков,
каждая вещь хранит тепло убитых.
Мои шаги всё глуше и глуше,
не осмеливаюсь смотреть на стены,
с этих стен на меня взирают
полные ужаса глаза истерзанных людей.
Даже если я весь обращаюсь в сострадание,
всё равно останусь чем-то перед ними виноватым.

Прохожу под дулом автомата

Семь часов —
время моей утренней пробежки,
я прохожу в парк через боковые ворота,
а выхожу через главные.

Около восьми
я миную банк,
и так каждый день.
У дверей встала машина инкассаторов,
троица в бронежилетах,
подняв автоматы, смотрят по сторонам.
Я прохожу под дулами,
и, чтобы продемонстрировать,
что не намерен грабить,
нарочно не смотрю в их сторону.

С детства я знаю,

что деньги надлежит зарабатывать трудом,
что недопустимо грабить и воровать,
потому что в руках у полицейских — автоматы,
и если вдруг
они случайно нажмут на курок,
то я, вероятно, попаду в сегодняшние газеты
и буду причислен
к разбойникам.

В этом не то чтобы не имеется смысла,
просто из предосторожности
палец полицейского лежит на курке,
и всякий прохожий заслуживает подозрения,
любой, кто ведёт себя странно,
может представлять опасность.
Если так продолжается долгое время,
начинаешь сам себя подозревать:
а вдруг под ногами окажется арбузная корка
или человек чихнёт?

Любое неловкое движение —
и кто сможет тогда поручиться, что курок
не сдвинется на миллиметр?

Каждый день я намереваюсь пройти в обход,
но обходного пути не существует,
и мне остаётся сосредоточенно пробираться мимо,
надеясь на их профессиональную добродетель
и на то, что автоматы не заряжены.

Хоу Цзюэ

侯珏

(род. 1984)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Полевые цветы у дороги

Полевые цветы вдоль дороги,
как прекрасные сны среди ночных кошмаров,
от которых во сне едва улыбаешься,
или как невинные задорные шутки
в голодные времена.
В уголке гор я провёл с ребяташками незабываемый вечер,
эти дети из горной глуши чисты и невинны,
по понедельникам они стоят навтыяжку
на церемонии поднятия флага в сельской школе
и детскими ртами выпевают государственный гимн.
Утреннее семи-восьмичасовое солнце освещает
трёхногую парту.
«Прилежно, старательно учиться, каждый новый день
продвигаться вперёд» — восемь таких важных слов
скоро осыплются с затенённой глинобитной стены.
В разбитом до невозможности классе,
отгороженном старыми досками,
со стены смотрит измождённое лицо Лу Синя^[9],
за окном — вся в колдобинах спортплощадка,
глаза нескольких десятков землистых мордашек
смотрят прямо в небо.
Старательно выпрямив спину, в ярких красных галстуках,
они напоминают мне заморенные, густо покрытые пылью
полевые цветы у дороги.

Ураган

Я вынужден лицом к лицу встретить ураган.
непобедимый, чудной ураган,
поднявший с земли мелкие камни, песок,
сухие ветки и опавшие листья.
Стихия вырывает с корнем тонкие травинки,
бумажного змея она заставляет бешено резвиться,
а мелкие птахи и насекомые,
крылья которых коротки и слабы,
из зарослей травы взмывают прямо ввысь.

Ветер со свистом и рёвом прилетает из-за горизонта,
набрасываясь на поля, склоны гор и деревушки,
горячие волны гордо вздымаются под ветром,
людям негде укрыться,
движение на улицах города встало,
перевозбуждённые животные страдают
от сердечной слабости
и бьются в конвульсиях под звуки
величественной музыки.

И когда покровы частной жизни оказываются сорваны
громадными руками ветра,
а календарь на стене — весь перепутан,
три лютых толстобрюхих врага объединяются:
кот, пёс и крыса спешно срывают с себя одежды
и запрыгивают в ванну общественной купальни,
чтобы испытать чудесное головокружение
и получить удовольствие от пены.

Ветер унёс нескольких нетвердо стоявших на ногах прохожих,
во двореке только длинные травы
покачиваются на разрушенной стене,
подняв длиннющие руки,
они дирижируют миром под ветром
и мимоходом обсуждают попрошайек у дороги и стариков,
согбленных ребятишек, подбирающих старьё,
на них нет даже штанов, и голые зады обращены к небу.

Лошадь под ветром

Одинокая лошадь

стоит на окраине деревни
на весеннем поле
у дороги.

Эта сильная
белая лошадь
промелькнула перед моим взором
и, удаляясь, скрылась вдали.

Я тоже помчался вдаль
и исчез из вида лошади.
Все вёсны,
все дни разбиты вдребезги.

Паровозный гудок
подменил лошадиное ржание,
жаждущие дети
заменяли злаки в полях.

Белая лошадь
стоит на ветру,
принюхиваясь к опустевшей деревне
и полю, перерезанному оврагом,
лошадь, полная тщетных сил.

В моём теле есть рыба

По моему телу плывёт рыба.
Когда она достигает пяток, я думаю о Ду Фу^[10],
когда заплывает в голову, я вспоминаю Ли Бо^[11],
когда скользит через шею, я думаю о Сян Юе^[12],
когда бьётся в промежность, я вспоминаю одну строчку Ван Сяобо^[13],
когда проплывает пальцы, я вспоминаю папиросы Лу Синя,
когда подныривает в глаза, я вспоминаю Борхеса,
когда достигает моего рта,
я выплевываю её, и невольные зрители при этом смеются,
они обсуждают, что я, оказывается,
умею грязно ругаться.
Я поднимаю рыбу с пола, сжимаю её в ладонях,
будто это драгоценный нефритовый диск,
и демонстрирую рыбу публике,

и все собравшиеся наперебой утверждают, что где-то её уже видели.
Чертова рыба, она красавица!

Восьмидесятые

В те времена небо было ясным, вода — прозрачной,
а настроение — небесно-голубым.
В те времена Майкл Джексон ещё не сделал
пластическую операцию,
а Цуй Цзянь^[14] ещё не состарился.
Большинство студентов ещё увлекалось стихами,
с лодок ещё доносились пронзительные
народные песни,
а мои сёстры, чтобы заработать на лунные пряники
на Праздник середины осени,
трепали и полоскали коноплю у реки
днями и ночами.
В те времена моя мать
прославилась по всей реке своим искусством плести корзины,
а мой благопристойный отец зарабатывал на жизнь переноской дров.
В те времена под безлюдным звёздным небом
звучали фантазмагорические рассказы бабушки,
в ту пору деда часто зазывали на свадьбы
и похороны писать парные надписи.
Тётушка тогда ещё не вышла замуж,
младший дядька носил, не снимая, брюки-клёш.
Тогда не было образования, зато был творческий
порыв, не было денег, зато являлись мечты.
В те времена новый роман, фильм или телепрограмма
могли всколыхнуть всю деревню.
Тогда мы были ещё детьми,
играли во все деревенские игры,
собирали черепки, катали стальной обруч, вырезали
деревянные мечи, заводили мелких птичек,
ловили змей и лягушек.
Тогда мы научились ездить на велосипеде
и зачесывать волосы на пробор.
В те времена я выучился курить и полюбил
китайские боевые искусства.

Вспоминаю о том времени, оно было прекрасным,
прекрасным и очень добрым.

В ту пору много чего ещё не родилось,
а кое-что уже сто лет было не ново.

В те времена хорошо было ностальгировать, мечтать,
влюбляться и петь вместе под магнитофон.

В моей стране тогда творились великие дела,
и я совсем недавно пришёл в этот мир.

Фэн И

冯艺

(род. 1955)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Дорогой вождь племени

Летящие перья на каменной стене перекликаются
с красными закатными облаками
и цветущими деревьями у воды,
со стены звучит бой барабанов,
бронзовые барабаны — сосуды для хранения чувств,
я выплескиваю их день за днём,
в унисон с ветром и громом.
Дорогой вождь племени, я никак не могу разыскать тебя.

Осень на реке Минцзян, романтические горные цветы,
туши птиц и зверей, добытые мечом, копьём и стрелами,
уже разделаны.
Злаки с полей собраны, просушены, убраны в хранилища.
Представляю, как плошки с вином
исполняют тотемный танец
и отражаются на подобной сну глади реки.
Я не могу постичь, в какой далёкой эпохе вдруг оказался.

Мне симпатичны танцующие,
все на одно лицо,
они — мои дальние предки.
Их кожа бронзово-коричневого цвета, их чувства,
желания, вдохновение и порыв отпущены на волю,
их пение потрясает глубины сердца,
воспламеняет душу.
Эти ранние облики и первые звуки
зарождающейся культуры отпечатаны в истории.
Я смотрю вверх и вниз, влево и вправо.
Дорогой вождь племени, где же ты? Возможно,
ты исчез в закатный час, предопределив,

что предстанешь уже мёртвым в моих стихах.
Этим наскальным рисунком ты сотворил себе памятник,
передав самые величественные позы
своим поющим и танцующим людям.
Меня восхищают оттенки твоей киновари,
под ветрами и дождями не утратившие яркости,
навечно сохранившие красоту твоих соплеменников в этом мире.

Северные Марианские острова

Какие он пережил потрясения
от куска застывшей лавы до зеленеющего острова?
Я понимаю — всё это произошло не случайно,
это движение плит земной коры,
которые сталкиваются друг с другом, разбрасывая тучи огненных
брызг,
огромная энергия, напряжение, невиданная мощь,
они вынуждают лаву закипеть,
вздыбливая глыбы, и вулкан извергается
из самой глубокой подводной впадины Тихого океана
и вздымается, заставляя небо потускнеть.
Даже на полотне нелегко запечатлеть скорбь и величие этого
мгновения.

Великие потаённые силы природы оставили шрамы глубоких ран
на островах Сайпан, Тиниан и Роту,
в каждой пещере, на каждом подводном рифе и отвесной скале,
под натиском свирепого прибоя и ревущего
на сотни голосов ветра
выгравировано «Старик и море», —
образ, год за годом шлифуемый и полируемый ветром.
На лицо моё упала капля морской воды,
как метеор, исчезающий менее чем за секунду,
поведала о бушующем вдали пламени,
о крови на письменах и проржавевших пушках,
оставленных на сверкающем огнями острове.

Я поднимаю голову и смотрю на луну,
ищу на её поверхности
следы жестокой войны,
историю упадка человечества,

ужасающий свет проник в глубочайшую впадину.
Из-за высадки десанта американских морпехов
девять тысяч японских солдат покончили с собой, спрыгнув со скалы,
освободившись от телесных мук на самом красивом
Звёздном побережье.

А затем американцы погрузили здесь атомные бомбы
на бомбардировщики В-29
и доставили их к Хиросиме, чтобы сотворить грозный
радиоактивный гриб.

«Малыша» забрали у матери,
восстановив до атомов углерода, серы и водорода.
Каждая волна, разбивающаяся о берег,
навзрыд рассказывает свою историю.

Впадина слишком глубока, небо чересчур необъятно,
я же — ограничен и не хочу легкомысленно облекать в слова
черноту, застывшую в вулканических скалах,
и синее пламя, вызванное одной нечаянной встречей.
Никто не сможет утешить скорбь вулканического острова,
всё ненавистное, отринутое, горькое —
подобие облаков, которым никогда не рассеяться.
Небо ночное глубоко, хотя все звезды померкли
над теми, кто смотрит издали на разбросанные в скрытой печали
Северные Марианские острова.

30 июля 2002 года, о. Сайпан

Разговариваю сам с собой на ветру

Я ещё не слышал про государство ЮАР,
но уже знал, что существует Мыс Доброй Надежды.
Португальские мореходы
в поисках морского пути в Азию
здесь обогнули Африку.

Расположенный на южной оконечности полуострова Кейп,
поросший пестрыми африканскими розами,
мыс вытянулся в океан.

Я стою на самой южной точке полуострова,
Лицом к морскому ветру, и смотрю вдаль:
слева — Индийский океан, справа — Атлантика,

граница двух океанов у меня перед глазами.

В лицо дует ветер, гораздо сильнее обычного морского бриза,
гигантские волны бьются о вздыбленные скалы обрывистого берега,
ветер доносит тучи брызг до того места, где я стою.

Ночная тьма непроглядна,

я всматриваюсь в неё, как мореплаватель Диаш^[15],
искренне надеясь, что его корабль не потонет.

Одетый в красный камзол, он крепко держит штурвал
вверх и вниз бросаемого судна и плывёт за мечтой.

Здесь он разглядел опасный берег, огромные, до небес, волны
и восхищённо воскликнул: «Вот край моря!»

Радость была безмерной, с того момента
был проложен морской путь между Европой и Азией.

Пламя, скрытое в ладонях мореплавателя, вспыхнуло мгновенно,
мощь огня перекрыла брызги волн, оставляя ритм самой жизни.

Расцветающие на туманном берегу,
с той поры величественно воспетые,
все цветы, что только могли цвести,
были названы африканскими розами.

За одну ночь безрассудной отваги Диаша
все предания в его паре рук, держащих штурвал,
мгновенно воплотились.

Он обогнул мыс Доброй Надежды,
но португальцы не остановились на том,
целью их был восточный берег Африки и Индия.

Жаль, что Чжэн Хэ^[16] не был столь же безрассуден, —
разговариваю я на ветру сам с собой.

4 ноября 2003 года, Кейптаун, ЮАР

Хуа Хэнь

划痕

(род. 1980)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Так я восхваляю свою мать

Ты подобна хлопку, рису, батату и сое,
произрастаешь из земли,
даже вдыхаемый тобой воздух густо пахнет землёй,
улыбка твоя подобна крошечным цветам сурепки.

Я люблю тебя, люблю грязь и глину у тебя под ногами,
поэтому я не стану вытаскивать тебя из глины
и, отмыв её, громко восхвалять тебя:
«Как чиста моя мать!»

Разговор с девушкой-улиткой

У вас поблизости нет свободного домика? Точь-в-точь,
как у вас, скорлупки, чем прочнее, тем лучше,
я хочу снять дом,
чтобы оставить там душу, пусть вода её омоет, отбелит, увлажнит,
пусть песок и глина укроют и успокоят её,
и скоро в сердце вырастет нежная травка и мелкие цветочки.

Хочу быть вашей соседкой, хочу перешёптываться с вами через стену,
говорить друг другу «добрый вечер», «добрый день»,
«доброе утро» и спокойно засыпать,
иногда храпеть, иногда бормотать во сне.

Как прекрасно в безопасном домике —
можно беззаботно мечтать днями и ночами.
Можно смотреть, высунувшись, как собираются и рассеиваются
облака.

Во сне мы посетили совсем другой Пекин

Они убеждали меня изо всех сил,
что это марево на самом деле — туман,
я же нащупала влажный мох
и соскользнула с поваленного дерева.
Внизу оказалась затопленная грязью деревушка
с узкими улочками, там были плетни, тутовые деревья, папайи,
одинокая лошадь,
крестьянка разбрасывала курам рис,
она подняла голову и заметила меня,
но тут же безразлично её опустила,
словно меня и не было.

Было объявлено, что мы наконец прибыли в Пекин.
Я вспомнила про Великую стену, но не смогла найти
выход с рынка старья,
телефонный номер, который я знаю наизусть, отказался
отвечать на звонки с четырёх телефонов,
никак не получалось дозвониться.

Мы поехали в Пекин,
где накрапывал мелкий дождик
и плиты мостовой блестели от влаги,
когда меня окликнул знакомый голос, —
оглянувшись, я увидела только клубящийся туман.

Как я зарезала свинью

Я заметила, что глаза хряка вдруг закатились,
мне показалось, что это выражение чувства
благодарности или иного, мне непонятного, чувства,
но мне хотелось дать ему понять, что благодарить не за что.
Чуть погодя я заметила, что шаг его стал неровным,
передние ноги подкосились,
голова стала раскачиваться вправо и влево,
мне всё ещё казалось, что таким способом свинья
выражает благодарность,
и я восхитилась этим хряком, более вежливым, чем некоторые люди!
Потом я наблюдала, как изо рта у него пошла пена,
в агонии он опрокинулся на землю,
из ноздрей вырывался неестественный хрип,

тут вдруг я поняла, что лепешка клейкого риса,
только что брошенная мной в свиной загон,
застряла у хряка в глотке.

Каждое и каждый

Чжан Третий — вегетарианец,
корова — также,
лошадь — также,
овца — также,
свинья иногда также.

Ли Четвертый ест мясо,
волк — также,
тигр — также,
лисица — также,
собака в большинстве случаев также.

Улитка носит свой домик на себе,
Хуан Пятый — также,
Чэнь Шестой — также,
Чжан Седьмой — также,
Чжоу Восьмой — также.

Птицы умеют петь,
свиньи — хрюкать,
собаки — лаять,
львы и тигры умеют рычать,
все эти звуки Бай Девятый и Хэй Десятый,
а также все остальные люди умеют издавать.

Лю Чунь

刘春

(род. 1974)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Самоанализ

Душа твоя скитается день за днём
в поисках тела,
что посещает разные места,
не постигая, ради чего оно доселе живо.
Лишь появляется свободное время,
ты сразу погружаешься в Интернет,
заменяя обед играми,
события светской хроники ты помнишь лучше,
чем дни рождения своих домашних.
Что особенно важно,
со временем нарастает твоя робость,
ты стремишься двигаться вперёд,
но не получил образования,
ты идёшь на собрание, но не решаешься выразить
своё подлинное мнение.
Пока ты — часть народа, у тебя нет друзей,
когда ты становишься руководителем,
то не в силах обрести
радости в достойном поведении,
ты жаждешь почестей,
но с головы до пят покрыт позором.
Ты не любишь поддерживать полезные знакомства,
однако всегда наготове
твоя заискивающая улыбка.
Из твоего словаря постепенно стёрлись
некоторые слова,
например — «искренность», «прямота»,
например — «гнев», «неприятие».
Наконец ты стал знаменит в своей области,

занял колонки в газетах,
раньше другие представляли тебя,
ныне ты
представляешь за людей.
Ты обретаешь зрелость, уверенность,
становишься неуловимым,
привыкаешь к тому, что громят уличные лотки,
с улыбкой выслушиваешь жалобы
на злоупотребления чиновников.
Ты смотришь, но не видишь,
как по бросовой цене распродают землю,
о принудительном сносе жилых зданий
ты просто молчишь.
Наконец-то осознал,
почему тебе нравится литература,
но поэзия отринула тебя.
Ты утверждаешь, что любишь жизнь,
однако истина тебя не приняла.
Да, ты написал несколько книг,
но не можешь называться писателем.
На скромные сбережения
не купишь чувство полноты жизни посреди ночи.
Теперь я хочу спросить только об одном:
сколько нужно времени,
чтобы ты, как в былые годы,
стал безрассуден и бесстрашен,
сколько требуется отваги,
чтобы ты, не сомневаясь,
объявил всему миру:
«Я — настоящий Лю Чунь»?

Позвольте мне быть робким человеком

Позвольте мне быть робким человеком,
не обвинять, не оправдываться, не взывать всенародно,
не глядеть косо, не брататься с толпою,
оставить ненависть из-за любви,
позвольте мне снова и снова понижать
высоту моего лба над уровнем моря.

Позвольте мне стать эгоистичным
с чуть заискивающей улыбкой на лице.
Кто-то гулял в парке, а к горлу ему приставили нож,
кто-то вышел пройтись после ужина,
а у него отобрали кошелек,
кто-то ночи напролёт работает сверхурочно,
отдавая своё здоровье хозяину.
Увидев всё это, я отверну голову,
Позвольте мне быть равнодушным.
Робкие, как спрятавшиеся кошки, люди,
которых забивают посреди улицы,
люди, вызванные в суд, но после разбора отпущенные,
люди, которых увозят из дома, и они исчезают навсегда, —
я видел всё это, однако смолчал.
Позвольте мне стать забывчивым.
Когда-то начальники настаивали, чтобы я
отправился учиться, однако родные
чрезмерно опекали меня.
Меня обличают друзья, от моего имени
говорят другие люди,
я сам запрятал собственные сердце, лёгкие и печёнку,
так в начале осени земля скрывает
в глубинах малые реки.
Сейчас мать хлопочет на кухне,
отец заходится кашлем,
жена пересчитывает скудное жалование,
дети играют на полу.
В силах ли я ещё спокойно писать,
могу ли продолжать говорить...
Позвольте мне в темноте хранить молчание,
как оболочке пустоты.

Лунный свет

Много лет минуло, и я вновь увидел столь ясную луну,
ночь блеснула визиткой в воскресный вечер на окраине города,
осветила меня, как памятник.
Не хочется возвращаться в дом.
Несколько стариков толкуют под луной

об урожае этого года и ожиданиях на следующую весну.
Один говорит: зерно выросло в цене,
на следующий год буду сажать бататы.
Другой вторит: мандарины идут по дешёвке, сгнили на деревьях.
Свет луны ярок, молодняк укрылся в тени деревьев,
обнявшись, они шепчутся о чём-то.
Воздух накаляется, потайные желания
как трава, прорастают в сердце.
А ребёнок в доме уже крепко спит
с чистым и нежным личиком.
Его родители сидят на кровати,
один из них говорит, что пройдёт несколько лет,
и он уедет в Гуандун^[17].

Начинается с любви

Когда я думаю о том, что она скоро придёт,
то спящие в весенней земле насекомые
воскресают.
Я воодушевлён и вместе с тем робок,
лицо заливают краска,
а когда я представляю некоторые сцены,
становится совсем невероятно.
По телу разливается жар, руки стискивают грудь,
чтобы не дать скрытому в моём теле
стаду пятнистых оленей
вырваться и убежать прочь.
Когда я думаю, что она непременно покинет меня,
то мучаюсь в разочаровании и не знаю,
как поступить,
как будто всё лишено смысла.
Весенние насекомые превратились в бабочек —
но что мне с того?
Десять тысяч оленей статны, как львы —
ну так что?
До двадцати лет ты идеалист,
но какой прок в идеалах?
А сейчас ты реалист,
но что за польза от реализма?

Прекрасная пора кратковременна,
чудесные вещи увянут.
Ради чего тогда некогда тобой обретённое?
Всё, чем ты владел, зачем оно?
Осмыслив это, ты становишься спокойнее,
и на душе как-то легче,
словно завершено важное дело,
мнится, что прежняя жизнь была напрасной,
былое упорство оказалось никому не нужным.
Начинаешь задумываться, что бы съесть за ужином —
тушёные с картофелем рёбрышки
или тофу с молодым луком?
После ужина — смотреть сериал по каналу «Манго»
или аналитические программы
по спутниковому каналу «Фэнхуан»?
Стоит ли вставать посреди ночи, чтобы поработать?
На выходных ведёшь жену и ребёнка
в ресторан или в парк
или едешь в деревню проведать отца и мать,
выгулять облезлую дворнягу,
убедиться, что та, как и прежде,
любит пугать соседских куриц,
проверить, помнит ли собака твою машину,
подбежит ли к ней издалека.
Думая обо всём этом,
ты ощутишь, что жизнь наполнена смыслом,
в теле кипит избыток сил
и будущее твоё светло.
Тогда ты оторвёшь руки от клавиатуры,
уже не стараясь казаться крутым.

Лю Пинь

刘频

(род. 1963)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Американский воробей и китайский воробей

Американский воробей
на самом деле не разговаривает по-английски.
Китайский воробей
на самом деле не разговаривает по-китайски.

При встрече китайский и американский воробьи
разговаривают на одном птичьем наречии,
вместе они порхают по дереву,
как эскадрилья истребителей новейшей модели.

Рассуждения волка

Мир чересчур жесток,
зверь не решается никуда выйти
и всю свою жизнь
будет таиться в норе, до самой смерти от старости.

Письмо от Бань Лу

Я — машинист старого поезда,
который, как враг, испуганно мчится вперёд,
вагоны переполнены боеприпасами с передовой.

Над хвостом локомотива низко летит самолёт,
преследуя меня со скоростью поезда,
под рёв моторов
я смог разглядеть свирепое лицо пилота.
Я решил, что он сбросит бомбу
или расстреляет меня из пулемёта,
но этого не случилось,
и самолёт пролетел вровень с составом триста километров.

Стиснув зубы, я страшно желал вытащить
этого пилота из кабины за шиворот,
но вдруг лётчик высунул голову из кабины
и громко прокричал мне: «Для вас письмо!» —
и ловко забросил конверт в окно локомотива.
О, это было письмо от Бань Лу, и первая строка гласила:
«Дорогой мой, доброй весны!
Война завершена, когда ты вернешься?»

Военнопленные

Я сопровождаю целую роту военнопленных
по дороге, над которой ещё висит пороховой дым,
я громко отдаю приказы, пыль стоит столбом.
Винтовка имеется только у меня одного,
израненные винтовки пленных спрятаны в их сердцах.
Эти враги, ещё вчера сражавшиеся со мной
за жизнь и победу,
мрачно и безмолвно передвигают ноги,
в их глазах — огромное дуло моей винтовки.
Не ведаю, в какой момент
посреди позорной толпы военнопленных
я сам понижаю головой и бреду, как пленник.

Пересчитываю овец

Вечером перед продажей овец
с фонарём в руке
я считаю овец в загоне,
и, сколько ни пересчитываю, выходит
на одну овцу больше.

Потом
я понял внезапно,
что в силу привычки и себя
тоже посчитал.

У насыпи новой скоростной железной дороги

Под насыпью новой скоростной железной дороги
пшеничные поля, овощные грядки, колодцы,
дымы печных труб,
коровьи колокольчики, кваканье лягушек,
диалекты, местные обычаи, могилы предков,
алтари, народные песни, ремёсла,
«Троесловие»^[18], «Наставления ученикам»^[19], «Песня печёных
лепёшек»^[20].

Близ насыпи новой скоростной железной дороги
Договоры о возмездном отчуждении земли,
сопротивление властям
с применением грубой силы, коллективные петиции,
соблазны денежных компенсаций, семейные советы
в храме предков,
ссоры между родными братьями,
надменность бульдозеров, варварство строителей,
поваленные плетни.

Когда скоростной поезд с акульей мордой промчится
сквозь двадцать четыре сезона, расположенные на моей ладони,
тогда в вагоне ранней весной комфортабельное
одиночество современного человека
спрессуется в предельную скорость
и цифровые технологии, налетающие с рёвом
при покупке билета на экспресс.

Рядом с насыпью новой скоростной железной дороги
свежайшие раны диких трав, оборванные родословные, слёзы
глинозёма,
дрожащие корни деревьев, чьи последние плоды
падают на землю под мощными порывами ветра,
там ветер всколыхнул древнюю крестьянскую
поговорку, и она незрелым рисовым зерном
упала рядом с рельсами.

Навозный жук

Во сне
гигантский скарабей

ведёт такой допотопный паровоз.

Только он да я
в кабине машиниста глубокой ночью,
он, в белых перчатках,
на всём пути оставляет горящим белоснежный фонарь,
чей яркий свет ослепляет деревья вдоль полотна.

Я, плечом к плечу с ним,
лопатой забрасываю уголь в топку,
устав, присаживаюсь покурить
и гляжу, как он
яростно рвёт вниз рычаг паровозного гудка
перед изгибом рельсов.

В этом поезде, где нас только двое,
я привык к источаемой им вони
и к его суровому взгляду.
Поезд поскрипывает, бормочет сам с собой,
мы оба сохраняем молчание,
будто не замечая друг друга, но работаем слаженно.

Когда поезд остановился,
я даже не знал, что он —
сотворённый из моего собственного навоза
жук-навозник.

Две влюблённые пули

Две пули
в темноте магазина винтовок
тайно влюблены друг в друга,
они — пара влюблённых, нарушившие устав.
Уже сколько раз они мучительно пытались
представить облик друг друга.
Их любовный порыв и порывы
юного владельца винтовки
поддерживают гармонию периода духовной весны.

В настороженном мраке ночи
они одновременно вылетают из дула штурмовой винтовки,
вытянув в одну линию разнородные краски ночи.

О, это путешествие расправившей крылья любви!
Но оно оказалось слишком коротким.
Медовый месяц, которого они ждали так долго,
с глухим стоном прерывается,
едва они достигают тела врага.

Когда пули с металлическим стуком падают
на поднос в операционной,
в смешанном запахе любви и крови
они наконец могут разглядеть друг друга,
две искорёженных пули в потустороннем свете операционной
вскрикивают одновременно.

Ган Цзы

剛子

(род. 1977)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Должно быть, очки носят непорочные люди

Перебегая улицу дорогу на красный свет, пожалуйста, сними очки.

Когда сплёвываешь на землю, будь добр, сними очки.

Протягивая руку к цветку, прошу, сними очки.

Когда ты, облечённый властью, упиваешься развратом
в постели, сними, пожалуйста, очки.

Окидывая людей безучастным взглядом,
неприменно совлеки очки.

Сними же наконец очки,

они так долго сдавливали переносицу и так утомили глаза.

Замахнувшись ножом мясника, сними, пожалуйста, очки,
подними их повыше,

так, чтобы их не забрызгала кровь.

Вставая на колени перед бодхисатвой, избавься наконец от очков,
лотос у нее под ногами

подобен непорочному сердцу новорождённого^[21].

Курящая женщина

Я вышел из дверей полицейского участка,

молодая женщина прикуривала сигарету,

сделав затяжку,

затем ещё одну.

Я, ещё не сменивший полицейской формы,

прошёл близко от неё,

скользнул по ней молчаливым взглядом,

снова бросив мимолётный взгляд,

как воришка.

Герой

Преступник подстрелил меня из дробовика,
пробыв месяц в коме,
я открыл глаза и увидел собственную грудь,
испещрённую шрамами.
Какая нечаянная радость, я не умер!
В палате никого,
захватив газетную заметку, некогда потрясшую город,
я покинул палату,
чтобы отыскать проливающих по мне скорбные слёзы,
и сказать им троекратное «спасибо».
На чёрно-белых фотографиях мои начальники,
сослуживцы, врачи, медсёстры, студенты
и люди разных чинов и сословий.
В бесконечном коридоре совсем тихо,
улица залита ярким светом,
со всех сторон я слышу оклики: «Герой, герой, герой!» —
однако не видно ни одного человека.
Я вопрошаю: «Это ведь не сон? Не сон?» —
и, говоря это, я просыпаюсь.
Жена и дочка сладко улыбаются во сне,
я прижимаю руку к груди и чувствую глухую боль.

Гадание

Когда умерла мать,
она унесла с собой
восьмизначные гороскопы всех членов нашей семьи^[22].
В подтверждение своего сорокалетия^[23]
я показал удостоверение личности,
однако чуткие пальцы гадалея
слишком долго
вертели его в нерешительности.

Не сдаваться!

Я — полицейский, а он — бандит.
Мы то и дело встречаемся

за праздничным новогодним столом.
«Зятёк», — окликает он меня,
подняв бокал вина,
я отвечаю ему: «Шурин!» —
тогда и он поднимает бокал.
И каждый раз, когда он, проблевавшись,
снова пьёт, а выпив, снова блюёт
и скидывает руки вверх,
я безжалостно прерываю его:
«Не сдаваться!»

Цзи Сяоцзи

吉小吉

(род. 1974)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Тень

Благодаря зажжённой матерью керосиновой лампе
я познакомился с собственной тенью,
колеблющейся на грязно-жёлтой глинобитной стене.

Позже я обнаружил,
что тень неотступно следует за мной.

Вместе с ней мы сражались за пару бататов,
с ней мы выбили два передних зуба Гоува
из семейства Пятой тетушки.

Отчитав меня, мать повелела
мне избавиться от тени,
я старательно пытался это сделать,
но так и не справился.

Потом тень отправилась за мною в город,
бродила по улицам и переулкам,
плакала вместе со мной, сотрясалась от смеха.
Мать, столько раз зажигавшая керосиновую лампу,
три месяца назад выпустила её из рук,
после того как оказалась парализованной и прикованной к постели.
Я остался в городе. С бетонной стены, освещённой
белой лампой дневного фонаря,
неподвижная тень часто смотрит на меня,
оставаясь со мной — до рассвета.

Личжи

Период сбора урожая миновал,
но на многочисленных деревьях личжи
обильные плоды ещё висят на ветках,
перезрелые плоды

срываются один за другим на землю —
ярко-красные, режущие глаза каплями крови.

Ночь

Через объектив не разглядишь даже собственных пяти пальцев,
чересчур мрачно, никому не приподнять эту огромную завесу,
даже ледяному завывающему ветру.

В это время на кровати перешёптываются двое,
они разыгрывают любовный спектакль,
как вдруг шелест листьев,
с грохотом выстрелов, позывными, стуком борьбы,
внезапно заглушается невидимой кровью.

В это время творятся совсем непонятные дела,
повсюду мелькают человечьи тени, но нет никого,
кто бы решился отдернуть черный занавес.

Ножевой шрам

Одинокое дерево,
лишённое листьев, стоит
у дороги на улице Цзянбиньлу.
Оно беззвучно взывает ко мне,
взывает к каждому прохожему.
Закатное солнце привело меня к нему,
лучи заката обнимают его
безмолвно.

Я же остолбенел от удивления:
дерево открывает рот,
скорбно открывает рот,
оно желает говорить,
я вижу, оно мне
что-то хочет сказать,
однако не в силах ничего промолвить.

Очень долго оно
с отверстым ртом
не могло издать звука,
да так до конца ничего
и не смогло произнести,

пока лучи заката не погасли бесшумно,
пока я не удалился беззвучно.

Люй Сяо Чуньцю

吕小春秋

(род. 1973)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Моя вера

Я верю, что в твоём теле горит лампада,
верю в любовь, сострадание, во все ничтожные, малые вещи,
верю, что среди стужи и мороза есть скрытый жар,
верю, что под толщей снега таятся семена,
верю, что когда я умру, ты непременно
будешь глубоко скорбеть и помнить меня,
и скорбь твоя станет
как сверкающие белые снега на вершинах гор.

Посвящение

Возможно, я люблю не тебя, однако
есть свежие слова, брызжущие из-под твоей
старенькой гелевой ручки,
и скучаю я, наверное, не по тебе,
но по некоторым тёплым строчкам твоих стихов.
Я непрестанно брожу по твоему саду
в ожидании, вероятно, не тебя,
но близких тебе по духу братьев и сестёр.
Я снова и снова пишу про красоту равнин, закатов, луны
скорее всего не ради того, чтобы строки твоих стихов
полюбили мои строки,
но чтобы придать обыденности подобие поэзии.
Склонив голову под солнцем, я лью слёзы,
а ты меня никак не успокоишь, —
наверное, не из-за твоей оброненной вскользь фразы,
но потому, что крошечную травинку и излучину реки
обижают люди, непрестанно топчут и бросают камни.

Мимолётные вещи

Капли росы на кончиках листьев.
Распустившиеся цветы.
Яркое и красивое яблоко на блюде.
Бегущий по равнине олень.
Муравьи, личинка цикады, мотылёк,
огненно-красный фонарь...
О, вас чересчур много.
Быть может, если зимний ветер продержится дольше,
он уничтожит всё это,
но не утверждаю наверняка, ибо весна умеет его укрощать.
Быть может, неприметное стихотворение
просуществует чуть дольше.
Быть может, поруганная любовь, пережившись,
всё же останется жива.
Быть может, всепобеждающая серая пыль
проживёт дольше всех прочих вещей?

Теория преходящего

Апрель на исходе, близится май.
Июнь, июль, август-сентябрь, ноябрь-декабрь.
Один голос говорит: это так, всем бескрайним
золотым равнинам предстоит
быть развеянными.
Другой голос отвечает: нет, из этого золота
следует извлечь непреходящие вещи.

Чжоу Тункуань

周統寬

(род. 1966)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Чёрная кошка и белая кошка

Белая кошка помечает пойманных мышей
белым цветом.

Чёрная кошка, поймав мышь,
маркирует её чёрным цветом.

Прежде я полагал,
что белая кошка ловит только белых мышей,
а чёрная — только чёрных.

Предсмертное слово

Эта тюремная роба —
лучшая одежда
из ношенных мною
за всю мою жизнь.

Да До

大朵

(род. 1965)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Хвосты

Закрывая глаза,
я вижу колышущиеся в темноте хвосты:
рыбьи, кошачьи,
лошадиные, коровьи,
львиные и тигриные,
вижу неизвестных мне зверей,
иногда я различаю только знамёна,
как вдруг выскакивает реплика пекинской оперы:
«Прекратить!» —
И все хвосты в мгновение ока замирают,
покорно прижимаясь
к своим задницам.

Обмывание

Тело отца нужно облачить в древние холщовые одежды,
распорядитель похорон ^[24] велел нам обмыть его тело.
Меня окружили братья,
среди них я старший,
по обычаю я должен обмыть тело.

Полотенце мягко коснулось отцовского лба,
его лицо мне знакомо во всех подробностях,
ведь когда у него болела голова, я растирал ему
точку тайян-сюэ, лоб, шейные позвонки,
сейчас он ничего не чувствует
и не в состоянии, как тогда, попросить меня растереть там или тут.
Обмываю его сомкнутые веки, нос,
губы и скулы,
несколько часов назад они были тёплые,

сейчас они ледяные.

Распорядитель сказал, что мои слёзы не должны упасть на отцовское
лицо,

иначе он не сможет воссоединиться со своей матерью,
и я заморозил слёзы в своём сердце.

Когда я обмывал руки отца,
этот кусок льда раскололся в моём сердце.

Сейчас его руки неловко растопырены.

Это пара рук, дрожавших от счастья, когда они впервые приняли меня,
тысячу раз купавшие меня в детстве руки,

которые так хотелось отрубить, когда он нас избивал,
руки, которые хлопотали по хозяйству,

как руки прислужницы,

все в мозолях, затвердевшие, как железные прутья.

я по одному отделяю пальцы,

и обмывание продвигается медленнее.

Когда я дошёл до его груди,

слёзы навернулись на мои глаза,

но, вспомнив предостережение распорядителя,

я их поспешно сглотнул.

Когда отец избавился от хлопот крестьянской жизни,

на груди у него совсем не осталось мышц, одни кости.

Он прожил со мной десять лет

и постепенно раздобрел от хорошей пищи,

и средний размер одежды ему пришлось поменять на бóльший.

Я осторожно обтираю ноги отца,

тоже хорошо знакомые мне,

несколько лет назад у него на правой ноге появилась экзема,

которая облезала и невыносимо чесалась.

Я сопровождал его на уколы

и часто, когда у меня было время, втирал лекарство.

В жаркую погоду он закатывал штанины,

объясняя, что так скорее уходит жар,

мне передалась его привычка.

Обмываю ступни,

иссушённые, маленькие и худые.

Отец, помыв ноги, отправлялся в поле,

Пока болезнь сердца не обострилась и не пришлось сделать операцию
Только благодаря увещаниям врача
и моим настойчивым просьбам.

Эти ноги не ступали больше на рисовое поле,
они суетливо носились на городской рынок,
обеспечивая меня продуктами по три раза на день.

Когда я обмыл тело отца,
мы надели на него
новую рубашу, и брюки, и туфли,
чтобы он обосновался
в новом доме.

После семейного жертвоприношения

Я спросил у старушки матери:
прошло уже больше года,
каково там отцу?

Мать отвечала, что невестка ходила к колдунье,
та рассказала, что отец на жёлтом коне
вечно мчится на сельскую ярмарку,
с соседями ладит,
там ему привольно.

Я спросил: для чего он
возвратился в прежние времена
ведь сожгли его бумажную машину?^[25]

Мать ответила с горькой усмешкой,
что, скорее всего, он не справился с её управлением.

Дрессировщик обезьян

Дрессировщик обезьян не знает, что делать:
обезьяна ленива,
гонги вот-вот разлетятся от стука,
обезьяна часто ухмыляется,
выражая протест, как её повелевать?
Дрессировщик достал курицу,
провел клинком по её горлу,

перед обезьяной брызнула кровь,
а та даже не смотрит!
Зеваки насмеются:
«Эй, зарежь обезьяну,
пусть посмотрит!»

Слова, упавшие в воду

Когда я ответил на звонок,
телефон выскользнул в воду,
там твои слова под водой
бьются

и барахтаются,
неразличимые.

Установление весны^[26]

Вчера начался период установления весны,
сегодня ледяной дождь вновь всё обратил в зиму.
Весна —
опоздавший на урок ребёнок
за дверью класса,
глядит на своё
пустующее место.

Да Янь

大雁

(род. 1978)

Пер. М. Я. Пономаревой, А. О. Филимонова

Юный повелитель эпохи

В моём стеклянном аквариуме
нет ни капли воды,
только один
синий бойскаут.

А приглядевшись,
можно увидеть
старый паровоз
или шарик с порванным боком.

Раскраска неба
не привлекательнее
истлевших листьев аспидистры,
пролетающий изредка планер
не крупнее кузнечика.

Раскаты грома
разносятся в чертогах дня.
Представьте себе, как на берегу реки
встревожены маленькие аллигаторы,
похожие на новые тапочки.

Он потерял любовь
за сотню миль отсюда
на пустынной стройке,
и за целый день
никто не в силах его успокоить,
даже развешанные рядами по склонам гор
жёлтые одежды.

Оголодавшие звери!
Повсюду мелькают

их вороватые тени, похожие на призраки.

Скоро взойдёт ясная луна,
из густой рощи хлебных деревьев
доносится глухой стук кожаного мяча о землю.
Возможно,
в разгаре застолье конференции эльфов,
оседлав огромные фрукты,
они то и дело принимают решения голосованием.

Насчёт моего ужина
их мнение таково:
Овощей нужно класть побольше,
а суп должен быть сладким,
всё это следует отнести
и расставить подле стеклянного аквариума,
поближе, ещё ближе.
Скаутам необходимо сменить
свои зелёные мундиры,
я смогу вкушать и выслушивать
мнения всей этой компании.

Ответьте:
я — маленький Небесный император
или отважный юноша?

Отец сидит в темноте

Отец пребывает в темноте,
подобной всем пещерам, которые я когда-либо видел.

Его щёки обвисли,
как спящие мешки из-под муки.

И всё же отец крайне доволен,
ибо он сидит на нашем зерне.

Поэтому никто и никогда
не решится его потревожить.

Я даже боюсь с ним поздороваться,
так как днём

я трижды облизал плоску языком

и демонстративно вторгся в его владения.

Отталкиваю отца, как глупую лошадь,
а дальше... боюсь вообразить, что дальше...

Преодолев мрак,
я нахожу отца на мешках зерна.

Его руки, что звёзды в полях,
в светлом мареве неясны... неотчётливы.

Сяо Ся

小虾

(род. 1985)

Пер. Е. И. Митькиной, А. О. Филимонова

Мученица любви

Её работа
каждый день гримировать разных людей
чьё лицо изменилось до неузнаваемости в ДТП
отравивших себя ядохимикатами
ушедших от рака
скоропостижно скончавшихся от инфаркта миокарда
погибших из-за производственной травмы
или несчастного случая
а также нищих причина смерти коих неизвестна

однажды
она увидела женщину покончившую
с собой из-за любви
у нее были такие же выступающие вперёд
зубы как у неё самой
гримировала её гримировала
и разрыдалась

Заяц Машимаро

Всю зиму я обнимаю
огромного плюшевого зайца Машимаро [\[27\]](#)
пребываю в спячке

Чётки

На прикроватной тумбочке мамы
красивая коробочка
в коробочке лежит
жемчужное ожерелье

она часто по вечерам
достаёт его и рассматривает
и снова как ни в чём не бывало кладет на место

Пан Хуацзянь

鹿华坚

(род. 1969)

Пер. Е. И. Митькиной, А. О. Филимонова

Руки Алу

Заслышав шум машин, быстро пересекающих улицу,
подумал об Алу, о его руках на руле,
умелых руках.

Прочитав надписи Северных династий^[28] — крепкие,
аккуратные, неискусные и чистые, —
подумал об Алу, о его руках, держащих кисть,
нежных руках.

Увидев, как вместе курят два-три друга,
вспомнил Алу, о его руках, которые раздавали сигареты.
Эх, как похожи они были на «жест лотоса»^[29].

Похолодало, левая рука растирает правую,
вспомнил Алу, как однажды во время представления он сбрил бороду.
Ох...! Это же прямо-таки руки палача.

Ливень

Они приходили и снова ушли,
они покинули, но ещё возвратятся.

Они — упрямые и наполненные мудростью разбойники,
когда-то с верой, дисциплинированно и организовано,
они свободно жили тысячелетиями.

А в наши времена за ними
неотрывно следит метеостанция,
каждое их движение разрешено
в установленном порядке,
что очень похоже на компанию
законопослушных граждан.

Взгляни на коня

Конь в степи
не знает леса вдалеке,
он ест траву, низко склонив голову,
и не понимает того леса, который подпирает вдалеке белые облака,
не понимает нежно-зелёных и светло-жёлтых цветов рядом с ним,
то поднимается вверх по склону горы, то спускается вниз,
он погрузился с головой в травы рядом с палаткой.
Совсем тихо,
кажется, он только и может, что есть траву у своих ног,
но не в силах убежать в дальний лес,
словно его коновязь ^[30], которая рядом,
десять тысяч лет назад она уже была вкопана там,
и сейчас она вкопана там,
основание её сгнило и стало частью земли,
оголенная её часть над зёмлей
едва выше травы под ногами.

Его рисунок

Он рисует рассвет и закат,
рисует темноту и печаль
иногда он стоит за холстом,
иногда он обитает внутри холста,
но чаще всего он пребывает в центре мира,
его лицо скрыто в темноте, много лет спустя
оно наконец растворилось в темноте.
Много лет спустя его спина стала крепче,
не уступая ещё не сформировавшейся каменной стеле.
Не останавливаясь, он рисует —
рисует людей, рисует пейзажи,
рисует всё в этом мире,
последним изображая себя,
мазок за мазком.
Тщательно, будто покрывая лаком гроб,
всякий раз он легко и естественно начинает рисовать,
заполняя холст заботой и любовью.

Падение

Очевидно, печаль — это не дождь.
Дождь падает на ладони
и может стекать между пальцами.
Даже если сложить две руки,
печаль не упадет подобно дождю,
печаль медленно исчезнет,
она, вероятно, самая лёгкая пыль на свете.
Когда идёт дождь, она не ждёт тебя,
когда дует ветер, она не ждёт тебя,
когда выходит солнце, заходит луна —
она не ждёт тебя.
Но лишь стоит тебе утратить бдительность,
она внезапно приблизится к тебе:
ты обернёшься, а она уже позади тебя,
она то, что стоит за твоей спиной,
она — твой дождевик, когда идёт дождь,
накинута на твои плечи,
ты веришь, что она защитит от ветра и дождя, —
однако самый мелкий дождь
намочит твои брови и лоб,
тебе кажется, что она — твоё другое лицо.
Когда ты ясно видишь её висящей на стене,
на душе у тебя вновь светлеет.
Она по-прежнему застыла,
молча приклеившись к стене,
а тебе и сказать нечего —
как будто все слова в пройденной жизни
уже сказаны.

Чжан Хуанчэн

张黄成

(род. 1985)

Пер. Е. И. Митькиной, А. О. Филимонова

Дом

Девушка, раздающая рекламные проспекты
на Таймс-сквер, совсем не красавица.
Её нельзя назвать сексапильной, просто у неё белая кожа,
зато я могу её представить
в моём с комфортом обставленном доме,
её трогательные движения, когда она укачивает ребёнка.
Вот она повернулась, чтобы окликнуть меня,
но тут я увидел стоимость дома на рекламном проспекте
и молча ушёл, закулив сигарету.

Целующая река

Люди, занимающиеся тяжким физическим трудом,
пьют воду,
высоко закидывая голову,
обращаясь лицом к небу,
заливают воду прямо в рот —
буль, буль, буль,
буль-бульк, буль-бульк, буль-бульк,
и с каждым глотком радостно поёт адамово яблоко.
Так дикий зверь,
вытягивая шею вдалеке,
принимает поцелуй реки,
опускает голову или поднимает её, —
разницы нет никакой.

То Фу

拓夫

(род. 1965)

Пер. Е. И. Митькиной, А. О. Филимонова

День детей

Японскую бытовую технику
мы догнали и перегнали
японские скоростные железные дороги
мы догнали и перегнали
японский ВВП
мы догнали и перегнали

а что касается японской формы
для младшей школы
здесь мы
видим лишь пыль поднятую всадниками
но не можем их догнать

Бочка

У матери нет сил поднять чан
очередь старшей сестры его нести
чан для воды в доме слишком велик
от дома до колодца в начале деревни
надо сделать пять-шесть ходок
чтобы наполнить его водой
когда я смогу носить воду
тогда только старшая сестра выйдет замуж

Дерево с жёлтыми и дерево с зелёными листьями

Дерево с жёлтыми листьями называется ясень
и дерево с зелёными листьями называется ясень
они одинаково высоки
у них одинаково много ветвей и листьев

но растут они в разных местах
одно на северном ветру у перекрестка
другое за углом высотного здания куда ветрам не проникнуть

ясень с жёлтыми листьями первым вступает в осень
его листва собирает огромное количество людей
они смотрят на него как на красивый пейзаж
безостановочно фотографируют
пересылают изображения по «Вэйсиню»^[31]
получая бесконечное восхищение

и ясень с зелёными листьями также встречает осень
но его листья долго не желтеют
и не опадают
словно летнее дерево впало в спячку
никто не любит его осенью
и даже сам ясень
потихоньку грустит в одиночестве жалея себя

дерево с жёлтыми листьями неторопливо облетело
дерево с зелёными листьями неторопливо пожелтело
два одинаковых ясеня
в конце концов вступили в пекинскую зиму

Бедствие

Господин гадатель сказал
в год своего тридцатилетия
вы встретились с бедствием

я начал вспоминать
осень того года
в Чжанцзяцзе
я встретился с дождём

Пепел

Отнёс на пустырь
пачку старых писем
смотрел как лист за листом из белого
становится чёрным

знакомые слова устремились
стоило мне
переворошить догорающий костёр
пепел воспользовался ветром
и обернулся в последний раз
посмотреть на меня

Старая одежда

На первом этаже ящик
для пожертвований одежды
жена взяла несколько моих вещей
и хотела их пожертвовать
я сказал
всё же лучше отнести их в другое место
и сжечь
в прошлом эта одежда
была принесена в дом
для младшего брата
с детства до взрослого возраста
я постоянно
ругал брата
всё мне было не по нраву
и только эта старая одежда
теперь к нему ближе всего

Сон

У того мужчины
руки что пистолеты
наставил их в небо
произнёс бах
убирает руки
дует на дуло

странно
и вправду с ветки
упала птица

Старый дом

На Новый год возвратился в свой старый дом
спереди и сзади и справа и слева от него
соседи возвели многоэтажные дома
мой кирпичный покрытый черепицей одноэтажный дом
кажется низким и маленьким
мать на стене гостиной
словно ещё больше опечалилась
тогда я принял решение
взять в банке кредит
и построить многоэтажный дом
не ради чего-то иного
но чтобы по меньшей мере
фотографию матери
можно было повесить на втором этаже

Река Или

Бурно несёт свои воды на протяжении
1400 километров
только 400 километров
на карте современного Китая
стремительная речная вода
словно путник
идёт не останавливаясь
чужим людям становится
матерью

Чэнь Тянь

晨田

(род. 1984)

Пер. Е. И. Митькиной, А. О. Филимонова

Две курицы

Две лежащие в корзине курицы
глазеют по сторонам,
но, не осмеливаясь подать голос,
жмутся друг к другу на балконе.
Я кормлю их рисом и водой. Мать по телефону
даёт указание:
«Лучше всего зарезать их немедленно,
через несколько дней куры исхудают,
в них уже не останется мяса».
Я сажусь на корточки,
глядя на панику двух куриц,
они прожили многие дни в деревне,
на машине преодолели трудный путь,
руки матери
бесчисленное число раз хватали их,
словно в них находилась
судьба куриц,
они, спеша,
мчались
по сельскому шоссе
через пропускной пункт, в темноте,
пропахшей бензином,
пережили поездку по длинному скоростному шоссе,
ещё они теснились в автобусе и перешли потом
в мои руки. Вечер уже наступил,
вот это гнездо, в котором их нет,
буквально — гнездо, возможно — курятник.
Я заметил их страх,
и, отвернувшись, отправился кипятить воду,

на кухне подточил нож, и когда я поднял корзину,
снова мне бросился в глаза страх двух куриц,
и это был вовсе не ужас перед кухонным ножом.

Чжу Шаньпо

朱山坡

(род. 1973)

Пер. Е. И. Митькиной, А. О. Филимонова

Четвёртое июля в Сайгоне

Сегодня у меня наконец есть время,
чтобы любить эту страну и её народ,
любить каждый клочок земли той далекой территории,
где я был охвачен сильным волнением,
я бы очень хотел, чтобы границы были ещё протяжённее,
чтобы каждая река протекала через мой родной край,
чтобы все блуждающие здесь американцы, французы,
англичане, индусы, бразильцы, танзанийцы
изъяснялись только по-китайски, и мы вместе беседовали
о свободе, любви и вышедшей из берегов реке Меконг.

У меня в кармане лежат американские доллары,
вьетнамские донги, китайские юани,
я хочу любить себя подобно тому, как они обращаются
к Собору Сайгонской Богоматери.
С выпитой наполовину бутылкой пива я праздно просидел полдня,
размышляя о военных манёврах, которые день за днём
проходят в Южно-Китайском море.
Перед тем как притвориться, что я поддался влиянию алкоголя,
хочу спросить у занятых вьетнамцев:
«Сегодня — День независимости,
вы всё ещё ненавидите американцев?»»

Великая равнина Хулун-Буир

Здесь много травы,
бескрайняя трава,
нам не нужно столько много травы,
и я топчу её, топчу,
топчу, топчу, топчу, топчу,

топчу безжалостно,
одного за другим вытаптываю их.
Они — это люди из нашего города: Ли Чи,
Чжан Хункай, Тан Юйцзе,
Лу Тяньфан, Хэ Сяомин, Фэн Дасинь, Оуян Лэе...
Все они — аморальные люди, их злые поступки
переполнили чашу гнева,
однако их возносят до небес,
они присвоили себе почёт, который полагается добрым
и талантливым соотечественникам,
они — это гопники, проститутки,
профессиональные воры, политиканы,
торговцы-грабители, мошенники, насильники,
спекулянты, гуру обмана...
Насколько велик наш город —
настолько велика арена их беззакония,
в этом городе полный бардак, в нём столько непролазной грязи.
Что же делать?
Не переставая, я всё топчу, топчу, топчу, топчу, топчу,
нам не нужно так много травы,
подошвы мои запятнаны жидкостью,
но как ни посмотрю, на кровь она не похожа,
цвет крови — красный.
Они не смогут обмануть меня,
в этих ботинках я возвращаюсь в город,
и делаю вид, что мне всё нипочём, —
не позволю им узнать моё внутреннее смятение.

В 1933 году один отряд проходил через мои родные края

В тот день в Мичжуане играли свадьбу,
дочь арендатора земли выходила замуж за помещика
по имени Пан Сы,
чтобы стать его второй женой.
Уже в преклонных годах, Пан Сы вместе с невестой
покинул Мичжуан,
когда они преодолевали реку Михэ,
отряд с северного перевала гор
спустился к ним навстречу.

Пан Сы скатился с паланкина,
ему показалось, это отряд его сына,
но незнакомое обмундирование переполнило страхом
сердце жениха.

Мы также не знали, чей это отряд,
он проходил через Мичжуан по дороге в Гаочжоу,
длинный отряд
с блестящими ружьями и в чёрных, как смоль, сапогах
шагал в размеренном быстром темпе,
мичжуанские собаки перепугались и попрятались по конурам,
музыкант, игравший на сона^[32], спрятал инструмент за спину,
шумная свадьба мгновенно потускнела.

Пан Сы, дрожа, с полудня до сумерек дожидался,
когда отряд покинет город.

Невеста высунула голову из паланкина,
глаза солдат неотрывно скользили
по её ярко-красному личику,
она ничуть не боялась, потому что ещё не знала,
что это не отряд Ли Цзунжэня^[33],
а сын Пан Сы — всего лишь старший офицер.

Прошло много лет
после того, как помещика Пан Сы свергли,
по-прежнему оставалось неясным
чей всё-таки это был отряд.

Пакет с мёртвыми мышами

Я терпел обиду от мышей
очень много времени, но пробил час отмщения.
Вчера вечером я наконец-таки
казнил их!

Ранним утром в канализации, на террасе,
под кроватью, на крыше, в дырах на кухне —
повсюду валялись трупы мышей.

Умирили они некрасиво:
у некоторых отовсюду пошла кровь,
у других повылазили глаза,
умерли они нелёгкой смертью,

некоторые — ещё мышата,
шерсть не вся выросла,
бегали не так шустро.
Их всех я собрал
в один пластиковый пакет.
Прежде я думал подарить
этот нелёгкий подарок
моему соседу Ма Сянькэ —
обманщику, хулигану, политикану,
человеку, вреда от которого куда больше, чем от тысяч мышей,
но всё-таки я решил не доставлять никому неприятностей
и выбросил их
на соседней улице, рядом с кучей мусора,
и только когда я уходил, меня стошнило от отвращения,
подумав о совершённой мерзости, я немедленно вернулся
и строгим голосом приказал остановиться
собравшемуся как раз открыть пакет сумасшедшему.
Неся пакет с мышами,
я пересекал улицы и переулки, оглядываясь по сторонам,
но даже к полудню не нашёл места, куда его пристроить.

Утром в день влюблённых

Вчера я заснул поздно,
посреди ночи, разбуженный ссорой двух женщин,
я проснулся, слыша, что они ругаются перед моей дверью
или чуть дальше.
Этот низкий дом с черепичной крышей
протекает, и расплодившиеся в нём мыши
устроили потасовку безмятежным ранним утром,
их резкие, грубые слова напугали всех вокруг,
соседи просыпались и кашляли,
трижды я сходил в туалет.
Мышиный скандал продолжался с третьей
до четвёртой ночной стражи^[34],
время от времени доносился примирительный голос
мужчины, оказавшегося в затруднительном положении,
он говорил недолго

и к тому же низким голосом.

Что явилось причиной их ссоры?

Мне было плохо слышно,

они говорили слишком быстро, к тому же на диалекте,
но я не переставал прислушиваться.

В пятую стражу^[35] они внезапно прекратили склоку.

Всё утро

я обдумывал два вопроса.

Первый — пока они ругались, стоило ли мне пить воду?

Второй — о чём они внезапно договорились?

Ян Хэ

杨合

(род. 1973)

Пер. Е. И. Митькиной, А. О. Филимонова

Жизнь вновь обрела динамизм

Бедняк Лао Сюань
холост,
материальная сторона его жизни неизменна,
но и в таких условиях
он благополучно избавился от нищеты,
получил выдаваемый в уезде
«Почетный сертификат избавления от бедности»,
и куда же он его повесил?
Сначала для этой бумаги он определил место
над входом в жилище,
но побоялся, что её разорвут, поэтому, решив,
что это нехорошо,
вошёл в квартиру и задумал прикрепить документ
над дверью в квартиру,
но света было недостаточно, что также плохо,
тогда он повесил сертификат
на давно не работавший телевизор,
и телевизор
внезапно обрел былую жизнь.

Чудо

В проходе книжного магазина «Чжибэй»^[36]
на стене висела карта Китая,
к несчастью,
я увидел, что на месте, где находилась моя южная родина,
зияет дыра, прожжённая чьим-то окурком.
Я не смог скрыть возмущения, как вдруг позвонил отец
и сообщил, что именно в эти минуты сильное пламя

объяло наш старый дом.

Система

На паркинге минус первого этажа
требование для въезжающих и выезжающих машин
при въезде — достать талон, при выезде — прокатить карту.
Потом система изменилась,
въезд и выезд стали беспрепятственными.
Каждый раз, когда я иду пешком через выход,
могу видеть
только пыль от отъезжающих машин,
а терминал для кредиток по-прежнему напоминает:
«Пожалуйста, вставьте карту...»

Манго

На заднем дворе моего дома растёт дерево манго,
мой отец пересадил его из соседнего уезда,
разрасталось оно стремительно,
манго с распускающимися листьями ещё только цвело,
не разрешившись плодами,
а уже все вокруг говорили, что это дерево-самец,
и призывали срубить его.
Отец же упорствовал в своём мнении:
оно обязательно принесёт плоды.
Этим летом мой сын
стоя под деревом манго, закричал призывно: «Манго!»
На дереве манго действительно висел один плод манго.

Посмотри

Сегодня шестьдесят пятый день рождения моей матери.
Вспоминаю, как в детстве
я разбил пиалу для риса,
мать тогда вспылила,
но не предприняла никаких действий,
повторяя лишь:
«Посмотри, посмотри...»
Вспоминаю, когда я женился,

взял в жёны девушку из другого края,
не посоветовавшись с матерью.
Глядя на невестку,
мать в замешательстве повторяла:
«Посмотри, посмотри...»
Вплоть до настоящего момента,
до сего дня я всё ещё не разгадал,
на что я должен был посмотреть.

Годы

Всё тот же очень старый дом
высится на прежнем месте,
оставаясь больше тридцати лет назад
единственным в деревне домом с деревянной черепицей.
Когда-то я подстрелил из рогатки
воробья на крыше этого дома,
потерявший ориентацию воробей
завертелся на дранке,
я глядел, как он падает —
падай же, — моё ожидание
было чрезвычайно сильным,
но воробей удачно приземлился на обе лапки,
а потом взмыл в небо.
Спустя тридцать лет
я вернулся к родному очагу,
на том старом доме по-прежнему
чирикает воробей,
в душе я представил,
что стреляю в него из рогатки,
и отпустил его.

Шэнь Тяньюй

沈天育

(род. 1990)

Пер. Д. Р. Валеевой

Под мостом

Рабочий, строящий мост,
По пояс голый,
Решил передохнуть.
Будто на печи в родных краях
Кусочками разложена
Блестящая солонина.

Белая цапля

Белая цапля
Одинока,
Совсем одна,
Прямо как и я.
Брожу у озера,
Она кружится,
Низко летает,
То дальше, то ближе
И я подумал,
Что очень на неё похож:
Взмываю,
Кружусь,
Кружусь
И лечу к земле.

Ню Ихэ

牛依河

(род. 1980)

Пер. Д. Р. Валеевой

Мясник

мой отец и худ, и мал,
но есть у него скотобойный нож
и за десятки лет не знаю, сколько свинок
погибли от его ножа
десятки лет он на слова был скуп
чистый нож воткнёт, потом кровавый вынет
когда я был подростком, мой одноклассник
высмеивал моего отца:
«на нём смертей невинных душ не счесть»
потом, конечно, он пройдёт
восемнадцать этажей ада
но я отца не ненавижу
я навечно его сын
сын мясника

Сижу со слепцом с улицы

он говорит, что не слепой
он тоже некогда видел цвета,
он ими пресытился и тогда стал
видеть монохромно.
он спросил мою фамилию, я ответил, что просто Хуан^[37]
он сказал, что любит этот цвет
и я только тогда понял, что он одет в жёлтый пуховик
слово за слово, и он уже уснул в беседке парка

Деревенский погост

Всегда встретишь плачущих, в дождь,

на стогах сена в поле,
Несущих в руках безымянные камни, плачущих.
Конечно, есть и те, кто устал, они лежат в лесу, не храпя.
Они тихонько лежат, слушают голос ветра.
Голос воды. Жужжание насекомых.
Трава потихоньку опутывает их тела, грубые лица, черепа...
Конечно, есть и люди, которые боятся темноты. Они
Смеются ледяным воздухом, безумные,
несутся к реке через поле,
Пересекают лес, горную долину. Дрожат, свистят, —
Сколько лет ни пройдёт, они всё ищут дорогу. Они
Так хотят, так хотят
Вернуться домой.

Тянь Сян

田湘

(род. 1962)

Пер. Д. Р. Валеевой

Снежный человек

человек стареет довольно просто —
нужно просто встать посреди снега
и за мгновение
стать седым

не мог я подумать, что в зеркале
я разом столько снега увижу
я не смог разглядеть наружность
былых годов

не вытерпел — и состарился
я всё время ждал тебя в том самом месте
упрямо ждал, я ждал, как идиот
не думал, не гадал,
что стану вдруг я снежным человеком

вот потому и сердце
моё
холодное и твёрдое
и мне любые слёзы безразличны
(конечно, если не твои)
и даже самого Бога

и больше никогда
меня не растопить

Смакуя моллюсков

от лакомств мы всегда
заходимся слюной
когда-то мы отправились с тобою

к торговцам уличным — поесть моллюсков всласть
и я тебе открыл секрет подбора яства
у самых вкусных — панцирь нараспашку
на мякоти немного сока
ты засняла мой способ наслаждаться пищей
такие они свежие! ты выпила всё разом
и губы, и язык
играли упоённо
снаружи твёрдый панцирь был нежным изнутри
ты выпила всё разом
ах, как же я был счастлив! ах, как я был доволен!
в тот вечер ты была такой красивой
с тех пор ты каждый день меня тащила
к торговцам, есть моллюсков
и я от этого был рад.
но я тебе ещё не говорил,
что это — моя первая любовь.

Старая станция

поезда никогда больше не придут
на эту маленькую станцию
не будет здесь ни рельс, ни сигнальной сирены
балласт на путях порос травой
не будет мой отец здесь размахивать флажком.
закат унёс с собою пышные облака
а маленький полустанок простаивает в потёмках
как будто старый шрам,
больше похожий на надгробие,
под которым закопаны мои старые чувства
старая дверь на станцию плотно закрыта
никак не распахнуть, никого не докричаться
только полевые цветы самодовольно раскрылись
будто миновали века с тех пор
может быть, я уехал отсюда слишком давно,
и нанёс слишком глубокую рану
а может, я слишком расчувствовался
и этому месту всё равно, есть я или нет.
эта станция в своём собственном мире

живёт сама по себе
пруд позади неё, водонапорная башня,
персиковые деревья
а ещё есть дальние земли,
горные вершины, прекрасные настолько,
что перехватывает дыхание
ещё похожие на виды прошлого
поезда, ушедшие в дальние края,
помогли ей почувствовать вечную тишину
и я всё время чувствовал стыд
мне показалось, что я забыл её,
но на самом деле она ещё раньше
предала меня забвению.

Выше весны

густая трава покрыла собой всю глинистую землю,
позволяя мне неизбежно постичь сущность вещей
мириады оживших бактерий присматривают за дорогой
я лишь смог заметить мириады
распустившихся цветов
возымеv слишком большую веру в любовь,
легко быть раненым ею
я обречён этой весной стать неудачником

весна показала лишь свою лучшую сторону
кто теперь сможет избежать любовных ловушек?
каждую весну я серьёзно болен
и весна не позволяет мне написать хоть одно
хорошее стихотворение

выше весны может быть только пламя,
погибшие растения
вол, распахавший землю и оставивший кровавый след
да души, которые гуляют по небу.

Никто не может увидеть сердце стекла

ты увидел стекло — и прошёл сквозь него,
встретил внешний мир, за пределами стекла,

измотанный город без стекла задыхается

стекло прозрачно — солнечный свет может
достичь тебя сквозь него; твой взгляд
также может через него пройти

но тело твоё не сможет, и даже смо́гу это не под силу
две субстанции будут разделены прозрачным стеклом,
если только стекло не разобьётся и не прольётся кровь.

Шэнь Хайгуан

申海光

(род. 1973)

Пер. Д. Р. Валеевой

Прогулка

сейчас... я... думаю
вот эта... сексапильная женщина
если бы... она... была моей женой... хорошо
я покосился на неё
рядом со мной... жена... она
коротковата... толстовата... уже
сейчас... она... склонила голову
неужели... тоже думает... о другом...
красавце... мужчине
этого... я не знаю
похоже... она... тоже не в курсе
что я... сейчас... думаю... о другой... женщине
такие мы... безответные...
рука об руку... по дорожке стадиона
медленно... побежали

Кровь

один студент упал в обморок от иглы
увидел кровь и упал
учитель обмакнул перо в красные чернила
заставив его повторять
шаг за шагом студент развивался
а после того, как он приблизился к цвету крови
и заставили его вколоть в тело иглу
учитель сказал ему:
«кровь — это красные чернила человеческого тела»
он больше не падал в обморок от иглы
потом он выпустился

потом он сменил профессию
потом он стал писателем

Хуаньяо^[38]

она поменяла скатерть
на картинке был Хуаньяо
в прошлый раз, когда мы его навещали,
на ней ещё было красное платье
красный цвет говорил о радушии
и представлял собой чистый итог
ночью же мы блуждали
по древним камням Хуаньяо
куда ни глянь — не видать ничего
мы взволнованы до изнеможения
той ночью мы только и знали,
что волноваться
всё что мы делаем — тщетно
будто бы прошлой ночью
после нашей с ней ссоры
вновь появилось волнение,
вновь появилась усталость,
вновь к нам пришла безысходность,
с которой мы спать легли

Древняя городская стена в Гуанчжоу

на городской стене зелёный мох,
на кромке кирпича
след электрической пилы,
да стела у дороги

на ней написано: «здесь шёл упорный бой
отряд красногвардейцев, безоружный,
остановил врага у горного подножья»
гора зовётся Юэсюшань
это гуанчжоуская вершина
а воины должны вести войну
на той стене, у амбразуры,
вниз смотрел:

туристы тянутся сплошною вереницей
и старики предались фехтованью

и тычет остриё меча
в влюблённых, что на каменных скамейках,
в мужчин и женщин,
что друг другу
даруют поцелуи и объятия

Пань Мяобинь

盘妙彬

(род. 1964)

Пер. Д. Р. Валеевой

Зелёная трава, что топчут люди

траву топчут люди — для них обычное дело.
люди проводят на лужайках свои неприметные дни,
я же — один из тех,
что прогуливается вдоль реки после ужина.
так много людей, событий на моих плечах
и над моей головой,
а траву всё топчут и топчут.
сейчас я вышел сменить обстановку:
трава поникла, пока её сгибали,
а потом, когда люди уже прошли, быстро выправилась
может, она уже не такая прямая, как раньше
всю жизнь вот так.
а люди так могут?
на той стороне мало тех, кто топчет траву,
и она там растёт хорошо, прямо
но вот уже и человек с ножницами идёт прямо туда

Колокольный звон монастыря в Нагое

дождь всё время идёт так, что темно
дождь роет колодец
это была зима много лет назад. много лет спустя,
я услышал колокольный звон монастыря в Нагое
среди снегопада, застилающего всё небо
по одной капле этот зимний дождь отзывается в колодце
потом цветёт сакура
потом древний монастырь из далёкого Китая разбудит
оппадающую листву перед воротами.

Камень

постиг просветленье на камне
у дороги, что ведёт к храму четырёх благоволений.
другой камень лежит на перекрёстке,
вам доложу, превосходном,
что ведёт на вершину горы Байюньшань.

сегодня два больших камня
позволили мне почувствовать их одиночество
и я точно так же бросаю всю эту реальную жизнь.

Передние бросаются в атаку, за ними следуют остальные

весенние воды рек теплы — рыбы заранее знают
там, внизу дамбы, рыбы прыгают непрерывно

рыба подспела из нижнего течения,
вернулась из дальнего верхнего течения,
где метала икру, —
дамба не позволяла им пройти.
лицо высоченной дамбы, увы, бесплодно.

рыба не могла проскочить: среди них всё так же
передние бросаются в атаку,
за ними следуют остальные
рыба роняет слёзы, и только небо всё видит

каждый год в это время,
возможно, расставят сети,
подкараулят под дамбой,
и рыба, зная об этом,
всё так же на амбразуру несётся

Груша распустилась, ничего не понятно

груша распустилась, мы — под деревом
ничего не понимаем; мы под деревом,
нет ни одного распустившегося листочка
одна бабочка, две... отдыхают

груша распустилась, справа маленькая пагода
груша распустилась, в далёкой деревенской лачуге
пахнет пищей на лестнице
груша распустилась, ничего не понятно
одна бабочка, две... отдыхают
ветер гладил меня
он и тебя гладил; вздрагивали бутоны
вдруг, подобно груше, распустились и мы под деревом
вдруг цветы исчезли без следа, а я под деревом
оказался один

Если так

среди мелкого дождя
шахта постоянно выдаёт руду,
без должной обработки
чёрное и белое сливаются в одно
чёрное — свинец, белое — цинк
владелец шахты по фамилии Ван
сменил фамилию на Сунь,
если так — 1234
дождь кончился, тёмные тучи стали белыми
я спросил владельца шахты
он зарабатывает в месяц больше миллиона
как он платит налоги?
он ответил просто: половину
сказал, что работать на добыче трудно
сказал, что все его друзья — чиновники,
их много — 5678
по фамилии Бай, по фамилии Хэй,
Сяо Юй и Да Юй
он сказал
когда началась республика
старый дом, больница и взрывчатка
стали принадлежать только одному классу рабочих
и остальное устраивалось так же.

Абрикос

в это время абрикосовое дерево золотится,
парадное платье на теле — это император
в это время сверкающие листья
начинают падать
безветренно, Пекин пуст — никого нет
близится вечер, абрикосовое дерево стоит у дороги,
вдалеке — храм предков
какую тропу ни назови — нет тропы
какой храм ни назови — нет храма

в книге написано:

«следуя по этой дороге, можно дойти до храма»
но в книге не сказано, что в это время
красный цвет заслоняет и небо, и землю
и может застилать взор далеко вперёд

чрезвычайно высокомерно
в это время абрикосовое дерево золотится,
парадное платье на теле — это предзнаменование

Утверждение пылинок

тело монастыря
когда я его увидел, он был пуст, тих,
и не было никакого раздражения
время имело форму, но достигло бестелесности
старушка-монахиня сидела на веранде и дремала
её тень — это её дом

рядом с монастырём, внутри, шли вместе,
свободно старушка-монахиня и её сон
и, конечно, не имели никакого раздражения,
послеобеденные лучи солнца косились на неё

в луче света плясали пылинки
ворота стояли нараспашку, открытые к горам, водам, людям
сколько людей смогут понять,
что тень человека есть его собственный храм

Куст боярышника

куст боярышника весь белыми цветами зацвёл

среди десяти тысяч других кустов он любит только себя,
напоказ, напоказ
можно встретить дровосека,
сидящего под деревом, он кладёт тесак под него, как будто Будду
обернулись несколько гор
в долине несколько сот кустов боярышника
распустились разом и нет других растений
на кончиках веток — белые цветы,
всё, что падает на землю — лепестки, а не листья
они любят себя
напоказ, напоказ,
на самом деле
сгорая, сгорая
в огне обжигают белый фарфор
или куют тесаки, чтоб положить их вместе, будто бы Будд
любовь жива сегодня, завтра, через пять дней,
потом вручается Будде
отросшие листья, возможно,
будут иметь свой голос.

Маленькая белая лодочка

в бухте плывут маленькие белые лодочки —
одна за одной, тихонько
и белые облака взошли, белые-белые
бурной ночью обретающие чёрный цвет
мне нравятся дни, когда лодки выходят в море,
или куда-нибудь ещё
может, на небо, может, в капли дождя, не возвращаясь обратно
люди, потерявшие надежду, больше не станут
смотреть в будущее,
но я наблюдаю волны, похожие на меня самого,
и буду продолжать,
буду думать о них
камней на воде не станет меньше,
они выложены, как события прошлого века
быть может, быть может, и вовсе у них нет сердца
по берегу у этих лодочек

я обжился зеленью, домом, улицей и любовной историей
ветер и волны снова придут
даю им время — одну человеческую жизнь

Ши Чжунъань

石仲安

(род. 1982)

Пер. Д. Р. Валеевой

Цветы жимолости

Её ещё называют жимолостью.

Когда протягивают руки, чтобы сорвать,

Бутоны цветов так наливаются, их цвет так ярок,

Будто это чистый эликсир из травяных стеблей.

Сейчас они выросли самими высокими.

В полдень

Мы спускались с горы, топчя собственные тени,

Потому что тащили на себе целые горы золота и серебра,

И поступь наша была тяжела и исполнена выдержки.

Ши Вэйла

石薇拉

(род. 2003)

Пер. Д. Р. Валеевой

Когти и клыки

на когтях трактора
комьями висит глина,
прилипла сверху,
и, подобно
заросшей мозолистой руке,
роет самому себе
могилу

Тяжко

мне часто бывает тяжело:
гора, что перед глазами,
такая высокая,
такая мощная
хоть я и знаю:
она — всего лишь декорация

Выжимая влагу

одно и то же полотенце
я выжимаю на десять процентов,
мама — на тридцать процентов,
папа — на пятьдесят процентов,
бабушка — на восемьдесят,
а дедушка разок крутанул —
и сразу сухое.

Ши Юй

石语

(род. 1979)

Пер. Д. Р. Валеевой

Привычка

Открываю свежкупленную пачку сигарет,
И если ненарочно, то тогда
Фильтр, что я вытащу, окажется
Четвёртым. Первый ряд.
Неважно — с левой стороны
Или с правой стороны считать.
Всё равно это будет та сигарета.

И вот я однажды
Внезапно
Принял это всерьёз
И, не сдержавшись, взревел:
«Кончено!»

Су Чэн

粟城

(род. 1967)

Пер. Д. Р. Валеевой

Три птицы высоко парят в небе

три птицы, три свободных души
вместе взлетели с одного дерева
радостно крича,
подобно солнечным лучам, падали и трепетали

три птицы — чем дальше, тем выше
в голубом-голубом небе
поют, превращаются
три птицы от начала и до конца летят в треугольнике
они пролетели гору, они пролетели гору
всё больше людей их заметят

три птицы вдруг соединили крылья
низко спустились к земле
люди подняли головы от работы
услыхали их голоса
будто бы капризное пение девиц
три птицы снова поднялись
под солнцем — три птицы
три пары серебристо-белых крыльев

Его сумка

его сумка
когда в левой руке
когда в правой руке
левая или правая —
ощущения разные
если вешать на плечо — уже другое
а наискосок — третье

с детства до старости
у него особая связь с сумкой
по очереди
он вешает её то наискосок,
то на плечо,
то берёт в руки

я видел его
и его сумку
будто ветер
его сумка
поднимает его — а он несётся на всех парах

Юй Вэйвэй

羽微微

(род. 1977)

Пер. Д. Р. Валеевой

Поезд, идущий вдали

Поезд, идущий вдали,
Щебечет своим гудком
Приехал, чтоб в ночь увлечь
Людей, что ночью не спят.
И каждый чем более бодр,
Тем лучше услышит звук.
И каждый чем больше в себе,
Тем дольше услышит его.

Любого, лишь только он смел,
Поезд, идущий вдали,
Скоро с собою умчит.
И лишь сжимая в руках
Щётку, пижаму для сна,
Он запрыгнет в вагон.
Назавтра никто из людей
Больше не вспомнит о нём.
Знают люди, все как один,
Что каждый поезд, идущий вдали
Всегда приносит с собой
Хотя б одного смельчака.

Дама из хорошей семьи

Она никогда не покидала родных,
И даже её тень,
Ни разу, никогда.
Она шла на работу, с работы, после работы
Покупала продукты.
Писала в школьных тетрадках,

А когда восходила ночь, как жена, вздрагивала
И вздыхала. Поэтому так сложилось,
Она стала словно отточенный стих,
Слишком похожа на стих. Её причёска, улыбка,
Спокойствие, совершенство её сумочки, в которой
Таятся внутри: идентификационная карта, ключи,
Крем для рук, деньги
И маленькая-премаленькая
Упаковка «Дюрекс».

Ху Цзыбо

胡子博

(род. 1972)

Пер. Д. Р. Валеевой

Оставляю голову, не оставляя волос

И всякий раз при стрижке
Глаза я закрываю,
Прислушиваясь
к стрекотанью ножниц,
все срезанные волосы спадают —
заботы старые спадают,
и будущее до сих пор неясно,
совсем как спутанные локоны,
что уже слетели.
И вспоминаешь листья жёлтые и сакуры цветы,
И вспоминаешь кого-то из людей,
ещё людей каких-то,
и вспомнились туманная земля и взгляды.
Не знак ли это,
что я душевный человек?
Не знак ли это,
что я сентиментальный человек?
Не знак ли это,
что человек я неамбициозный?
Всё это вспомнил,
Но не вымолвил и слова.
Не знак ли это,
что я молчаливый человек?

Мир

Иногда я испытываю себя
достаю лезвие бритвы
и по груди своей

слегка проведу разок,
вижу кровь из тоненькой ранки
скорой струйкой бежит.
А порою кончиком спички
На руке своей кожу
чуть-чуть прижигаю
и смотрю на выжженную круглую ямку,
будто кратер на луне.
На левой руке чёрное пятнышко размером с соевый боб
мною так выжжено.
Надел на шею подвеску с драконом «писю»^[39],
иногда я затягиваю дракона кверху,
сильно сдавливая горло шнурком,
так, что остается красный след удавки,
и подумываю про себя: будь прочнее веревка,
не рвущаяся,
что в итоге могло бы быть?
И поступая так,
плоть твоя способна испытывать
боль, ту, что никто не станет отрицать.
Затем, всё выше поднимая голову, вверх глядишь,
и убеждаешься, что всё ещё живёшь
в лучистом светлом мире.

Ку Ляньшу

苦楝树

(род. 1981)

Пер. М. В. Черевко

Материнская привязанность

Два смарт-браслета купил,
Сжѐг один^[40],
И один надел.
Пусть и в разных мирах,
На пороге беды
Одинаково сможем мы ощущать
боль в запястьях.

Отцовские деньги

Приходится тратить деньги отца,
Но я точно смогу вернуть.
Для человека моего родного
Я дерево старое рублю —
Для гроба заготовка.
Когда он из мешочка чёрного извлѐк,
Сберкнижку и удостоверение,
И как буддийские хоругви отдал мне,
я взял потёртую сберкнижку,
Как вор.
Дойдя до стойки банковской,
Я код набрал —
Почившей матери
Рождения дата.

Город Малин

Слышу, как куют железо,
И я в темноту ступил,

Шёл вперёд,
Шёл вперёд.
Все на улице лавки
Сплошь закрыты.

Жун Бинь

荣斌

(род. 1970)

Пер. М. В. Черевко

Записки одного негодяя о соблазнении женщины

Я собрался красивую глупую деву
Увести обманом в горы,
Увести обманом высоко-высоко в горы,
Что не ниже десятка тысяч метров над морем.
Нет, пускай даже два десятка тысяч метров.
Да и этого будет мало.
Стану с ней подниматься к вершине,
Нужно, чтоб облаков было море,
И рассвет непременно нужен,
Нужно, чтобы слегка моросило.
А в горах этих бескрайних
Чтоб была красота такая!
Нужно, чтобы почти у рая!
Или минимум там, где святые.

Я подвел бы её к обрыву крутому,
попросил бы её представить,
что она превратилась в фею.
Попросил бы, чтобы вдаль посмотрела,
попросил опьянеть от восторга,
чтоб не сдерживала чувств нисколько,
ощутила чтоб лёгкость и радость,
позабыв о мирских тревогах,
отойдя от всего земного.

А затем потихоньку стал бы
в одиночестве с гор спускаться,
Сам сбежав оттуда
И не взяв даже облака цветного.

Дочь

И глазом не успел моргнуть,
как дочери уже пятнадцать,
и первых чувств приметы очевидны,
но я их на корню убить хочу.
Однако все мои приёмы устарели:
Один — перевести в другую школу,
Второй был — методично устрашать,
А третий — ей деньгами угождать.
Я дочь предупредил,
не стоит с негодьями водиться,
их рассказы все до единой
не сто́ят ничего, а только —
фрукт, что даже птичка есть не станет:
цвет красивый, а на вкус — горчит.
В их годы твой отец был крепче,
но юных девочек не соблазнял.
Отец старательно учился,
Отец стремился вверх,
Отец был непреклонен,
Отец твой идеалам верен был.
Но дочь сказала: «Всё это, отец,
в сто первый раз я слышу,
не мог бы ты сменить пластинку?»
Стал голову ломать,
придумывать новей нравоученья,
как вдруг заметил,
что уснула дочь.

Выходные

На выходных лежать я буду
под «Несбыточные грёзы» Сюй Ятун^[41],
Переверну вещицу бело-синего фарфора,
поверчу в руках и разобью, тихонько стукнув.
Я чая до краёв налью, полив цветы изящно,
И стану наблюдать, как медленно увянут,
тихонько угасая.

В час этот аромат густой вина витает, конечно,
дух винный повсюду разольётся,
И точно пьян я буду до обеда, как и вчерашней ночи
незнакомец будет пьян,
На водной глади порезвлюсь я своевольно,
на веточке декабрьской сухой усядусь,
я, птичкой несмышлёной став, пущусь
искать свой садик,
Мой птичий щебет затихнет, как стрелой сражённый,
и разлетятся пёрышки по сторонам.

Я лишь хочу плясать на собственной ладони,
Не будет труб стальных, я смастерю замену временную
из палки деревянной.
Я слышу клокотанье крови, что шум потока,
как в ущелье горном, что за звук!

Я не сдержусь, чтоб не достать тибетский кинжал,
разрезать плоть и отрезать корень жизни,
отрезать алчность ненасытную,
отсечь иллюзии, ведущие к несчастьям.
Хочу воспеть дела минувших дней, похороню
непрочные воспоминания
И всю недолговечную любовь.
Зарою их, оставлю.
Решился выйти я, но вдруг шаги застыли,
они остались в этих выходных,
Не удалось найти мне хода. Куда ни посмотри —
дороги все ведут домой.

Прощать

День всякий перед сном
Я сердце привожу в умиротворенье.
Учусь спокойным быть,
Учусь себе внимать,
Учусь великодушию, терпенью и прощенью.

Прощая всех и вся,
Прощать все упущенья и ошибки,
Прощать ненастный день,

Прощать без солнца утро,
Прощать медлительность,
Прощать надменность и предвзятость.

Сей мир небезупречен.
Прощать несправедливости, его необъективность,
Простить превратности судьбы,
Простить сумбурные осколки былого,
Простить в заплатках грядущее,
Простить тернистые пути
и на дорогах все капканы, прикрытые цветами, простить.

В свободный час от дел подумать
над изъянами своими,
Простить непредсказуемость других
и эгоизм врождённый,
простить предлоги слабые
простить и злобу, и корыстный взгляд,
простить вред преднамеренный
и козни, прикрытые добром, простить.

И, кроме этого, тебе необходимо простить
Все подозрения и преданные кем-то чувства,
простить обман и клевету простить,
Простить несдержанные обещания,
И тех простить, кто подвергал сомнению, оттеснял,
простить обман и низость,
простить заносчивые лица,
их приземлённость, ограниченность простить.

Хэ Шо

荷说

(род. 1984)

Пер. М. В. Черевко

Истина

Для истины одной необходимо много снега,
Бессчётным истинам
нужны снега, снега.
А вечные же истины
подобны снегам, снегам, что до сих пор летят.
А ты уверен ли: пыль из-под ног,
ступающих по снегу, и есть та истина?
То, может, только прошлого осколки, а может быть, намёк.
Кто знает?
Там, где тоньше, — след,
где глубже, — снег.

Пышно цветущее дерево

Растущее у шумной закуской дерево
Всё в цвету.
И каждый раз, минуя лавку или здесь сидя за едой,
все это замечают.
Оно избрало для цветения эту пору.
И явно на другие не похоже.
с цветов слетают крохи лепестков
По одному, как парашютики с небес,
И на столах, и на ресничках детских,
и в волосах у девушек,
внизу — они повсюду.
Мгновенно заняли пространство на земле.
Хозяин лавки, средних лет на вид,
сидит под сенью дерева,
взгляд — пламень.

Весь лепестками усыпан.
Помню, в былые годы
он также здесь сидел с мангалом передвижным
на дерево опершись,
что только чуть его повыше самого.

Навязчивое состояние

На этой улице есть сумасшедший.
Когда я сталкиваюсь с ним, он надо мной смеётся,
Да и вообще над всем на этой улочке смеётся идиотски.
Одет нелепо:
На голове изысканная шляпа живописца
И ходит он не так проворно,
Но главное — его навязчивый синдром.
Шагнув вперёд он непременно
на шагок назад отступит,
как бы «янгэ»^[42] танцуя.
И так день ото дня.
Прохожие, его завидев,
Свой путь прямой внезапно изменяют,
чтоб обогнуть его и избежать.
На улице, где он порой проходит,
Всегда таких немало,
кто странно ходит.

Отважный Чжао

Тот самый отважный Чжао, что прежде
кричал, как вырастет, станет полицейским,
женился и завёл детей.
Сам невысокий, не внушает страха,
походка неуверенна
и голос тих.
Соседи за глаза его девицей звали.
Но однажды я даже видел,
на велосипеде он мимо своего участка
по груде щебня
с лихостью проехал.

Согреться

Близ банка у раздвижных дверей
Бродяга,
вдаль глядя на лоток с едой,
как там горит огонь в жаровне,
всё руки потирал.

Цзян Цайюнь

蒋彩云

(род. 1992)

Пер. М. В. Черевко

Следующая жизнь

Чихнула лишних пару раз,
Упала. Ушибленное место ещё болит.
А если так погибнуть — что тогда?
Мать точно скажет то, что на неё похоже:
«Тебя не будет — мне не жить».
А может ли отец,
за разом раз
листая мой дневник,
ума лишиться?
Сестре приснюсь,
И та, в слезах проснувшись,
расскажет остальным наверняка:
«Я видела сестру во сне».
Друзья бумагу будут жечь, всё сокрушаясь:
Цайюнь, недолог век,
уйдя туда, разбогатеешь,
одежду покупая, не будет больше волновать цена.
Все, кто не жаловал меня,
обеспокоятся, что стану их пугать я.
Кто будет плакать, кто смеяться,
но это всё увидеть не смогу.
Единственное, что не всё равно:
одета буду ли нарядно,
я в жизни следующей надеюсь всё же
красавицею стать!

Лампа

Мне нужна лампа.

И не белая лампа,
и не люминесцентная,
не неоновая
и не уличная —
а та, что в детстве
у бабушки видела я, —
керосиновая.
Во сне
её из хлама подняла
и, подражая бабушке,
зажгла.

Крокодил

Взглянул разок
на того, кто кормит его,
у кого на поясе из крокодиловой кожи кошелёк,
и притворился спящим.

Молить о счастье

Голову склонив, Будде молюсь,
Волосы падают на глаза,
Когда вставал,
Рядом с монахом работник
Почёсывал пятку.
Лотосам возле храма
Мой диалект не понятен, наверное.
Поймав струю дождевой воды,
Умыла лицо.

Старик в лунном свете

Смотрела телевизор
и ела помёло^[43],
Вдруг лаем зашлась собака,
Я дверь отворила.
Старик в лунном свете
Пел ту самую песню,
Что я в детстве слушать любила.

После землетрясения

На поезде до Сычуани
Напротив из Мянъяна пассажир.
Заговорили о землетрясении,
И я спросила: «А было ль страшно?»
Он рассказал, что всё когда случилось,
как раз на стройке был он,
не успел и испугаться,
а шёл и день, и ночь,
так оказался дома.

Карма

В храме муравьи
Укусили меня —
Я стерпела.
У реки муравьи
укусили меня —
Я стерпела.
У дверей дома один муравей
укусил меня —
тут уж я его раздавила.

История

Мой дед — военный,
Сражался в Северной Корее,
Неотразим был в молодые годы,
Во всем талантлив.
Но всякий раз бывшее вспоминая,
Особо отмечает, как председатель Мао
Кепку дал ему нести.

Лань Миньни

蓝敏妮

(род. 1978)

Пер. М. В. Черевко

Отпустивший душу

В селе маленький мост из персикового дерева возвели
на опорах старого моста
тот, кто не был в родных краях, давно возвратился,
кожаная обувь пружинит по мосту,
и вслед за даосом^[44] произносил слова:
«Дух следуй за мной», «здоровья и мира», «счастья, богатства».
И позвонки старого моста в темноте один за другим
перестали держаться,
его изгиб — данный матерью остов,
Как коровий, бараний, человеческий и у душ туманных.
И шаги ступали всё ближе и ближе С шумом «та-да»
«забывший родство отпускает душу».
Огромный валун, сорвавшись, в ущелье полетел.

Актёр за стеклом

На сцене струящиеся рукава взлетели влево
исполнитель вывел высокое чистое «а».
В чайном столике этот актёр живёт,
а рукава струящиеся — то недавняя трещина.
Яблок пакет поставили сверху —
Актер протянул: «Горько», царапина разошлась на сантиметр ещё,
поместили блюдо апельсинов.
Актёр пропел: «Кисло», и рукава взлетели
ещё на два сантиметра,
Руки медленно пошли по трещине,
Закрыв глаза, нащупывают.
На глянцевой поверхности не осталось и следа ран.

Терраса

Вечерело. С террасы не успели снять вещи,
и на ветру трепещут.
Ветер схватил одну, словно схватил
нетрезвого за рулём.
Затем он снова схватил ещё одну.
Рука крепка.
Вот, случайно схватил наркомана за рулём,
затем он руку протянул, ещё вниз сдернул.
С хлопком раскрылось.
Что ищешь?
Нас пара человек таились с нетерпением за стеной,
водитель одежду втащил обратно!
И только шею вытянул, как за волосы схвачен был.
«Я ведь не пьян, не наркоман и не преступник!» —
Но кто-то громко возразил.
Тут ветер ладонь раскрыл, согнул меня.
«Ну, говори! Не ты ли тот, кто нагнетает воздух?»

Лежащие на кровати четыре боли и я

Каждая боль — в красных нарядах
из-под чёрного одеяла торчат их одежд полы,
руками они наружу вытаскивают меня.
Все четыре боли бесшумны,
лишь я отсчитываю капля за каплей лекарство,
вижу, они отрасли острые зубки
и покусывают глаза мне,
наконец прокричал: «Я хочу, чтоб позвали родных!»
А четыре боли всё так же ни с места
И подола красного уголок всё так же развевался.
Я знаю, что мне болезненнее, чем боли.
«Позовите родных!» —
«Нет у тебя родных».
Четыре боли выпрямились и встали
боль одна — это сломанный стебелёк цветка,
ещё одна — это высохшие муравьи,

ещё одна — это съеденная лиса,
ещё одна — это потерянные семена.
Четыре боли — это четыре острых зуба.
Отчаявшись, закрыв глаза, парализован, став кожи лоскутом,
И вот внезапно
тёплый голос меня поднял.

Сюй Сюэпин

许雪萍

(род. 1976)

Пер. М. В. Черевко

Память

Час сумерек, они обратно ехали от поля у поймы,
Говорили о смерти.

Тот конь домой скакал, он резво
Переходил дорогу.

И с сумерек до полуночи за вином
тот случай обсуждали живо.

Позже сгустился мрак.
Все разошлись. Деревня в темноту ушла.

А пару дней спустя один я
проходил конюшню. Пуста конюшня.
В глубине стоит
Двора пустого.

Предо мной слова из их беседы:
«В тяжёлых судорогах конь на земле лежал».

Я скорбно голову склонил. Но в памяти вернулся тот вираж,
Конь фыркал, становясь всё ближе
к моей ладони.

Его горячее и мягкое дыхание.
Миг этот помню яснее мгновений всех других.

Внезапный дождь

Туч дождевых гряда застыла в небе за окном,
Низких, тяжёлых, темных, набухших влагой.
Теперь же они сгрудились в голове моей.

Той осенью, под темным небом мы,

Сестренка, я и отец в «скорой помощи».
А затем дождь за окном за нами
Внезапно хлынул с небес,
Судороги струй дождевых, всё смешалось в глазах.
В «скорой» — сирены гул,
Матери жёсткие взрыды.
Со временем всё это стало бледнее.
Звуки дождя постепенно — откликом
В дальних полях.
Шторы задёрнул.
Покой душевный
К грусти близок.
А эха отзвук в ушах
к безумию близок.

Вслушиваюсь, только вслушиваться могу.
Слушаю время —
Тик, тик-так, время течёт.

В саду

Зеленая змея ужалила лягушку.
В тот тихий полдень
На звуки странные пришел
и я найти источник их.
Взамен увидел там отчаянье и боль.
Да, в самом деле, там была она.
В мгновенье то мне стали вдруг понятны
все лягушачьи упования.
Чего-то от меня ждала. Спасенья, может.
Но я в сомнениях отступил.
Наконец и вовсе ушел
Прочь от бурьяна густого.
А ветер продолжил метаться в саду,
ноготков лепестками всё гуще
осенние дни покрывая,
Истории их такой эпизод.
Оставил где-то в саду, в укромной траве.
В душе оставался страх, но я решил позабыть.

Лягушки не станет. Не станет змеи.
А после не станет меня.
Все мы перед смертью привыкли
Могила скорой страшиться сильнее, чем боли.

Большой паук

Когда проник он? Через щель в окне
или из сумерек отверстых?

Когда на кухне я шкаф газовый открыл,
паук огромный оттуда
на вид ужасный выполз. Затем он тут же скрылся
За трубами водопровода.
Пусть отвратителен он видом и обличьем
И на людей наводит ужас
До того, что даже вспоминать противно.

Но не осталось и следов. Ни пыли или паутины.
Открыл я все шкафы и окна.
Но всё ж никак не удалось прогнать.

Отнюдь не всё в себе мы понимаем. Всё скрытое
таится в нашей жизни.
В тот самый миг, когда о нём забудем напрочь,
Оно нам вдруг напомнит о себе.

Се Ишань

谢夷珊

(род. 1970)

Пер. М. В. Черевко

Реки, которая течёт на север, не обратить на юг^[45]

В тот год, когда сын Неба из рода Чжу
велел на юг оборотить речные воды,
Река, идущая на север, начала мелеть.
Южан внезапно озарило, с мотыгами спустились к устью,
С предчувствием беды, когда они пустились в бегство,
открылся просчёт, —
по воспоминаниям, речные воды разлились,
при южном ветре обратились вспять.
Мужчины поспешали, едва набросив стёганые куртки,
и больше женщин отступали, всё обнимая свежие цветы,
Всё былое я взглядом охватил, в мгновение — шесть столетий.

В период Хунью^[46] стали рыть канал,
и корабли на мель вставали,
Река, текущая на север, не привыкла на юг стремиться,
тем более не может питать речных существ реки, на юг текущей.

В одеждах тёмных девушка в вечерний час погибла,
Тело, как у змеи, на берегу лежит нагая,
с застывшим взором, как у рыб, в лучах закатного светила.

И если в жизни мы ещё способны на чувства,
То девушку прославить я хочу, что ради той реки погибла,
и поныне её душа покоится на дне речном.

Приграничный город

Минуя приграничный городок, река разлилась
на простор широкий,
Уверен, поднялась вода в реке, и ночью рыбы
с креветками на самом дне сокрылись,

так что в лунном свете таинственно в воде сверкали
их голов чешуйки.

Едва ли завтра их смогу забыть.

А в мире не только у рыб-креветок будущее есть,
но также есть оно и у реки.

В далёком приграничном городке трудны и горьки одиноких мысли,
Кто б со мною оказался на тёплом пути?

У рыб-креветок из той реки пусть нет гражданства, но есть края
родные.

Человек в соломенной шляпе в лучах закатного солнца

На реке Бэйлю между холмом зелёным и равниной

Увидишь ты тростник густой и стаю птиц речных.

Береговая галька, крабы-плавунцы, трепанги —

Застенчивая первая влюблённость летом,

всё то прекрасное, что дорого тебе.

Когда тростник совсем не шелохнётся,

Ты наконец услышишь птичьи голоса,

так никого не видя,

И таково их проявление чувств. Твоя душа

Тверда, как галька, — избрал ты удалиться

И дал обет всю жизнь скитаться бесприютно,

Но не сдержал — поклялся всё-таки в любви воде речной.

Я стал тем самым человеком в шляпе из соломы в лучах закатных.

Спустился к дамбе и мысли отпустил с речной водой.

Ветер, поднявшись, всколыхнул тростник,

и стая птиц с тоской по дому

скрылась в речной долине.

Мёртвые города^[47]

Вечерний час, я прохожу вдоль коробов строений мрачных.

Двое нищих во дворе куриной ножки половину не могут поделить.

Невидимые глазу крылья высотных зданий ввысь

взмыли до коричных рощ у лунного дворца^[48].

А у дороги рабочими забыта пара касок.

И посреди всего — одна высотка на восемьдесят семь

и пять градусов склонённая на запад.

День восхождения на высоту^[49]

В день восхожденья к высоте вдруг дождь полил.
Но не было сомнений у меня, что надо подниматься.
Зонт захватив, пустился вновь к подножию гор.
Прекрасно знаю, их вершины населяют ушедшие из мира прежде.

Хризантемы под дождём, одежды тёмные волнуются.
Душу отпусти в полёт! — то после смерти
Восхождение в последний раз.

Крик птичий, подобен грому, лишь сильнее стал.
Теперь в могучий ветер в прекрасный день прозрений
до темноты домой вернуться должен я.

Вороны на закате

Лишь солнце закатилось, из-за гор на западе
с надрывным криком воронья стая взмыла.
В час этот с жизнью расставалась мать,
её слова невняты были,
Звала по имени отца, меня.
С полей вернулся я, готовить ужин не было уж сил.
И в животе вороний крик — настолько пусто.
Мать нас звала, а после — на выдохе последнем:
«Не голодна».
И тут уже отец рыданиями зашёлся.
Ещё пронзительней с гор западных кричало воронье.
Вспугнутых воробьёв на поле опустели гнёзда.
Уже вошла на небе полная луна, из белой стала жёлтой, после —
алой.
На свете абсолютно равнодушно всё было к матери моей,
И лишь речные волны вдалеке в вечернем свете заиграли блеском.

Десятое число десятого вставного месяца^[50]: пошёл красный дождь

Не стоит дознаваться, почему в долине клёнов
красный дождь пошёл,

Не стоит дознаваться, почему он цвета красного.

Под вечер многие заходят в кленовую долину,
а дождь идёт всё, туман втекает в павильон среди клёнов.

Дождь красный в красной кленовой роще
мы наблюдали на белом свете этом.

Когда-то девушку в одеждах красных с собою вдаль увлѣк,
Её предательство — что эта дождевая влага.

И это пришлось на годы красные,
ночью тёмной в тусклом освещении
Проститься должен с нею.

Тань Яньтун

谭延桐

(род. 1962)

Пер. М. В. Черевко

Встретившись с весной, усвоенной из неких книг

Придуманными палочками, как ни старайся
не захватишь всей весны
или хотя бы часть весны — сырая слишком.
А если даже ухватить непросто,
жевать и проглотить — не легче. Посему
ты просто выбрось палочки, лишь взглядом в позолоте
сам выбирай, и сколько сможешь выбрать — столько хватит. Да, так,
упорствуй пару дней, и наконец — накопишь опыта,
а говоря иначе, как искушённый человек, ты
этот факт, ни с кем не обсуждая даже, только
ты один, с весной, из книг воспринятой, столкнувшись,
коснувшись дерева весеннего, сорвав цветок весенний,
пойдёшь тихонько, рассудив степенно.
И если б дождь так не был своевременен, то ты и тень твоя
засохли б навсегда, давно бы иссохли
до состояния палочек,
придуманные палочки на деле — похожи на носилки
Но ясно, что на них не всё, что хочешь, можно унести.

Стоя среди дикой пустоты

Сменив три стула, он состарился,
лишь обернулся — нет уж стула
того, что дорог был ему. Устав, не удержался,
сел в тумане, сев, заметил,
что стула нет того, что был опорой.
И ныне он постарел уже, как сам он говорит, —
вошёл в года. И он, войдя в года,
лишился стульев всех, так что стоять лишь остаётся,

Стоять средь пустоты.
С утра до вечера стоит, как будто ждёт кого-то,
а может, стульев ждёт.
А птицы в клетке до единой все над ним смеются,
он — над ними.
Смеясь, смеясь, в мгновение год минул,
Год новый оболочкой на все прежние похож,
а содержимое становится всё больше незнакомым.
И сердцу хорошо, и глазу. Просмотрит половину,
дальше — лень ему смотреть, глаза закроет, уснёт.

Всего лишь три месяца истечения гарантийного срока

Издавека он, слова ни сказав,
внёс ящик, неведомый мне прежде,
В нём — лето пылкое давности трёхлетней
и явно просрочено на три месяца всего.
Я, поразмыслив, любопытства сдержать не смог,
Тот ящик приоткрыл, хотел взглянуть, узнать, что всё-таки за лето,
в тот самый миг, когда я приоткрыл,
увидел поразительную тайну, — простите, —
эту тайну решительно я не могу раскрыть.
Я тут же затворил уста,
как тут же следом затворил и ящик.
До сей поры тот ящик и поныне там,
лежит средь груды хлама.
Глубокой ночью в час, когда стихает всё, оттуда
Звук доносился неясный, как будто мыши,
разом все объединив усилия, усердно что-то грызли, —
На то похоже очень, пусть и не совсем.
И с этих пор
В любой момент, как ото сна я пробуждаюсь, то непрерывно слышу:
израненное лето всё стонет одиноко.

Гун Ма

贡马

(род. 1962)

Пер. М. В. Черевко

Отец, который слушал радио

Об отце, который как шесть лет не с нами,
глубокое воспоминание осталось.
Как он на пенсии, усевшись на диване,
прикрыв глаз левый плохо видящий ладонью
Всё «Голосу Америки» внимал.

Отец — тот,
кто в сорок восьмом году, в июне,
служил в северо-гуйчжоуском ревогтраде, как
смог «Голос Америки» настолько полюбить, что
Так не пропускал его ни разу.
До сей поры
Мне это непонятно.
С прикрытым левым глазом внимающего
«Голосу Америки» отца тот образ
Всегда я буду помнить.

Пуговица

Я пуговицу потерял.
Мою одежду
Теперь всё время в каком-то месте
Никак не застегнуть.
И эту пуговку ищу я постоянно,
Мне кажется, всего скорее,
Её уже подняли, унесли.
Теперь, когда людей я вижу,
Им в пуговицы пристально гляжу я,
Да только с виду все они
Чуть-чуть похожи,

Но и не схожи до конца.
Вот с точностью сказать я не могу,
И всё-таки из них моя какая.

Сильный ливень

На небе собирался ливень.
Быть должен сильный дождь.
Обрадованных много и печальных.
Однако ливень, даже не пройдя,
Уже на всех подействовал серьёзно.
Как странно, не настав ещё, событие
уже произвело эффект.
Дождь польёт, вот-вот случится
настоящий сильный ливень,
ему копиться нужно в высоком небе —
до чего ж непросто дождю пойти.
Он собирает мириады капель.
Неведомо, неясно никому,
насколько же издалека
спускается тот сильный дождь,
что сложно и вообразить.
Какая сила его таким огромным создала, —
Не может взяться он из пустоты,
И ниоткуда он прийти не должен.
Ведь этот сильный ливень
не может не иметь причины.

Фэй Чэн

费城

(род. 1984)

Пер. М. В. Черевко

Разбирая старый велосипед

Теперь
я начал разбирать
свой старенький велосипед
во двореке.
Со скрипом-лязгом
эти старые детали
я по одной снимал, все обойдя,
на одном дыханье
отнёс и сдал на станцию старья
И, взвесив, получил пять медяков.
В руке монеты,
но чувство, что вот-вот заплачусь.
И, видя на земле разбросанные
ржавые железки,
я вспомнил осень ту,
когда со службы
нам принесли отца
останки.

Лу Хуэйянь

陆辉艳

(род. 1981)

Пер. М. В. Черевко

Оковы

Автобус К1 на остановку прибыл, и люди,
как одна большая стая мальков,
внутри с шумом хлынули,
замешкал я и очутился позади.
В проходе я невольно был зажат,
стеснённую и суетную жизнь
ты вынужден любить и выносить,
и, руки поднимая, каждой держишь ты поручень-кольцо, —
о, вид совсем как на Христа распятии.
Ребёнок, сидя на руках у матери,
Смотря наверх и указуя на кольца-поручни,
Вдруг громко произнёс:
«Гляди, как много здесь оков!»
В автобусе раздался смеха рёв.
Смеялись громче всех, смеялись те до слёз,
Кто сам стоял за поручни схватившись.

Отсутствие

У Гуансийского университета сел я
В автобус чёрный, идущий в края родные.
Тот человек, что уступил с собою рядом место,
подвинул на сидении предмет —
урну с прахом, накрытую поверху тёмной тканью.
«Садитесь здесь», —
был голос сдавлен и исполнен скорби,
он руку правую прижал к груди.
Усевшись, сомневаться стал я,

Что занял место того, кого уж нет,
А если бы, поднявшись, отошёл, —
туда б пустое время опустилось,
и я всё ехал
на чёрном странном транспорте,
мост миновав, до станции конечной.

Когда же вышел, посмотрел я вслед, —
Лишь ряд пустых сидений
того, кого уж нет, опять исчез.

Кольцо

Чтобы не спутать младенца с другими,
В день твоего рожденья
Юная медсестричка тебе
Бирку надела — мягкое колечко —
первый подарок этого мира. На нём
Только номер палаты и матери имя.

На пальчике безымянном —
Простенькое колечко
Связало меня
С чьей-то ещё судьбой.
Врач в консультации женской
Кольцом спиральным из металла^[51]
До самой глубины утробы дошла.
Устройство это ледяное,
Все мыслимые «завтра», «вероятно» перечеркнуло.
Бабушка жизнь прожила,
Скованная кольцом, не видимым никому, —
Так и в могилу сошла,
Превратившись в груды костей.

Большое яблоко^[52]

День-деньской на улице Сышэн взад-вперёд ступая,
Козырёк надвинув низко, разговор ведёт по телефону.
Порой на корточках сидит в сторонке,
потёртый аппарат держа, кричит: «Алло, алло!»

А иногда, снимая кепку, всё волосы растрёпанные гладит,
как будто сделку обсуждает,
ту, что на успех обречена.

В то утро я нарочно ехал тише,
Наблюдая, как с видом деловым он номер набирает,
нежным голосом примерного отца произнося:
«Немного погоди, тебе большое яблоко куплю я».

Одетый плохо нищий
держит грязную мобильника модель,
А из всего, что он так долго говорил,
расслышал я лишь эту фразу.

В палате женской

Ей только-только удалили матку
И поместили в двадцать первую палату,
три часа спустя она пришла в себя:
«Её исполнен долг уже, мне тоже это
больше ни к чему».
На свете самый теплый дом,
Она лишилась этой части,
Взамен осталась чёрная дыра.
Супруг её, серьёзный человек,
взял термос и пошёл налить воды,
И я с кровати встала прогуляться,
случайно проходя ту комнату с водой у лестницы,
мужчину этого заметила украдкой,
ко мне спиной на лестничной площадке сидя, курил,
а рядом с ним — коробка из-под заварной лапши,
окурков полная.

Белый лист

Сын взял мой степлер
и белый лист скобами скрепил,
одной, двумя, тремя, уже — четыре, пять,
пока тот лист не оказался
сплошь скобами покрыт
так, словно изрешечен пулями в бою.

И ручки шаловливые его
мне протянули, весело резвясь, сказал он:
«Мама, лист стал какой тяжелый!»

Сообщения о подкидышах

Мой сын вечерние газеты листает что ни день,
я знаю, ищет что он.
«Сегодня много брошено младенцев, целых семь».
И этим утром,
взгляд опустив, газеты смотрит, бровей не поднимает:
«Сегодня нет оставленных детей.
Лишь собачка, потерявшись,
Бегала в толпе людской».
Я бросил взгляд на тридцать первый лист:
Где о подкидышах заметки раньше были,
теперь сменили их на яркие
анонсы о розыске собак.

Мирские дела

Прежде враги, вновь примирились они,
Обнялись, обменялись съестным.
Распрямились, ветер сразу
Наполнил их, как
Парус надутый тугой,
Что прежде моря не видел.
Давно уж с землёй сравнивали немало былых могил,
Вновь насыпь сверху сделали,
как у могил недавних,
Как будто вновь их погребли.

В парикмахерской

Пряди чёрных волос бесшумно на пол легли,
В прядях чёрных волос — бескрайняя ночь.

В средней школе
волосы мои были длинны,
мать на рынок меня отвела,

Средь толпы отыскала того, кто стрижёт.

До чего же скупщик жаден был,
Волосы матери со звуком «вжик»
обрезал так, что осталась лишь голая целина,
положил их в клетчатый баул,
а в обмен деньги вручил на жизнь.

Молча, вовсе без слов, сожалея в душе,
Внимательный парикмахер
зеркало дал на прическу взглянуть.
О, теперь я спокойна, — волосы матери
снова станут длинны,
чёрная ночь вновь скроет руки мастера по волосам.

Настороженность

В тот год, отец, держа о зачислении моём бумаги,
рад и печален был.

Как стемнело, он в гости к дяде двинулся,
Но лишь присел, ещё и слова не сказал,
Как принялся мой дядя дочь бранить.
Моя кузина техникум окончила едва.
Нисколько не переча, склонила голову,
присев у очага, готовила еду,
со звуком «пхипи-пхапха» сухой бамбук
в огне потрескивал.

Затем отец обеими руками
дверь otvorил, всё слышать продолжая
голос дяди, ругающего дочь свою.

И если бы случилось мне вернуться сюда,
Пришлось бы мне пройти дом дяди,
то вдалеке с ребёнком на руках сестрица
поспешно в доме скроется.

Прошло семнадцать лет, она
всё так же настороженно со мной себя ведёт.

И ей неведомо, что к миру я
смирненно отношусь, что сдержанным быть позволяет
и погашать в груди горящего бамбука взрывы «пхи-пха».

Чэнь Хуаин

陈华英

(род. 1981)

Пер. М. В. Черевко

СолиТЬ

С десяток лет тружусь,
с десяток лет готовкой занимаюсь,
и каждый раз солю —
щепоток пару, ничуть не сомневаясь —
приправлено всё в меру, бесподобен вкус.
Но в эти дни, лишь соль возьму —
раздумываю долго
и с осторожностью кладу, боюсь пересолить.
Узнала в Интернете,
Что женщина измены после
солёную еду начнёт
варить.

Забава

Та сердцу милая забава —
чудеснейшее из виденного мной.
Ни носа, губ и глаз,
ни крепких ног,
особым образом твой поцелуй в душе моей запечатлён.
Песок сыпучий, словно время, течёт сквозь пальцы.
Могу обнять лишь крепко ту
забаву, все силы истощившую мои.
То правда
или нет — уже зашедший далеко самообман.
И кто привёл меня к упадку?
В самом дальнем уголке пустыни Гоби
песчинка за песчинкой скрою мои
с любовными признаньями стихи.

Забава — это та, что не оставишь просто так,
когда угодно,
смешалась с плотью, проникла
в каждый сантиметр кожи,
так, что сама я стала забавою уже.

Чэнь Чжэньбо

陈振波

(род. 1987)

Пер. М. В. Черевко

Обрывки воспоминаний

Заговорим об искусстве,
и наступит весна,
потеплеет заметно, но не станет светлей.

На перекрёстке
электропед — на выживание курс,
совсем как резвый зверь,
лишь только неустойчивый слегка.

«Давай же, парень,
можешь жёстче быть, особенно
с искусством радикальным!» — сказать
хотел себе.

«Как электропед?»

«Нет, как большегрузный
мегаскоростной фургон!»

Но, встав, подумав о навыках для жизни,
так всё же не нашёл
я слова того, что мне подходит.

Но мы определённо коснулись взглядов на искусство
весной, что ожиданиями полна.

«О, чёрт, откладывать мне более нельзя.
Я уподоблюсь танку, чтобы напролом переезжать!»

Фэйфэй

飞飞

(род. 1974)

Пер. М. В. Черевко

Временная учительница

Временная учительница, ей одиннадцать лет,
Пройдя пару десятков ли,
Добралась до
Школы, где всего три младших класса,
им преподаёт она.
Жалование —
Один дань ^[53] зерна.

Временная учительница позже окончила аграрное училище,
Изучив злаки и насекомых,
Её воспоминания порой прекрасны,
порой мрачны.
Она сейчас сидит со мною рядом,
Обзор международный смотрит
и, по экрану телефона скользя,
Всё что-то шлёт в сообщества друзей.
То мать моя,
И память пусть не очень,
Всё же как прежде помнит
тот дань зерна.

Я помню аромат цветов падуба

Утром одним, когда ветер овеял кусты падуба,
Раскрылись цветы, много бутончиков белых.
Мне всех их не разглядеть,
Как и им не разглядеть меня.
Брёл сквозь тёмную ночь,
Мимо заборов,

Мимо низких деревьев,
Сквозь мороси поцелуи,

Мимо рынка,
Мимо стада заблудших овец,
Мимо Будды,
Мимо Девы Марии.

Мимо добра,
Мимо улыбок,
Мимо веры, надежды, любви,
И наконец даже мимо падуба брёл.

Все одежды сверху в цветах.
Снял одну из них: ощутим цветов аромат,
снял ещё одну: по-прежнему — аромат.

Птичка, прошедшая хорошее обучение

Я единственным был, кто увидел, как
из пернатых кто-то на тринадцатом этаже высотного дома
усваивает урок:

Крылья птицы расправлены, вид независим.

Ел мороженое в тот миг, как взлетела она
над городом неподвижным, между зданий,
свободна, как рыба в воде,
меж домами и небом меряя расстоянье.

Я не смог различить, голубь ли это,
как не в силах понять, есть ли мир на Земле,
но я был убеждён,
что эта величественная птица способна тронуть людей.

Затерявшись в потоке машин и толпе, ещё пуще хочу,
чтобы она райской птицей была.

Этой ночью оставила стены, ограды, вольер,
стала с ветром и райскими кущами заодно.

Но послушная птичка без города никуда.
Так же точно и собратья её, дружелюбны, точны,
пронеслись чередой над моим рожком.
Безупречен расчёт, скорость велика.

Склеп номер один^[54]

Почил император
А им всё стоять
в пыли,
что ни день — на виду у шестидесяти пяти тысяч людей.

Куда же идут?
Никуда не идут, здесь их конечный пункт.
А этот кто будет такой?
Воин, с Лу Синем — одно лицо,
Телега его?
Без телеги.
Быть может, пропала зимой.

Династия полуголая и в тесной броне.
Открыли угол Третьего склепа.
Плачи жён и не вспомнит никто,
Только помним, что
Императора бороду,
наложниц струящиеся рукава.

Средь воинов
почти узнал я себя,
ростом пять чи,
причёска с кичкой на юг,
ест с мясом лепёшки.

Последними открыли осколки
киноварного цвета.
В первый год Циньского Сянь-гуна^[55]
самый красивый пейзаж,
усомнишься невольно,
что хозяин усыпальницу эту любил.

Хуан Жэньси

黄仁锡

(род. 1966)

Пер. М. В. Черевко

Раз, два, три

Тот человек, со мною лет одних,
Он с книгою
На перекрестке стоя,
Всё повторяет вслух:
Раз, два, три.
Раз, два, три.
Раз, два, три.

...

Взрослые тоном учителя говорят:
Что за «раз»?
Что за «два»?
Что за «три»?
А он, как школяр, поясняет прилежно:
Раз из «раз, два, три»,
Два из «раз, два, три»,
Три из «раз, два, три».
Дети вслед за взрослыми,
копируя тон, спросят:
Что за «раз»?
Что за «два»?
Что за «три»?

А он всё так же, как школьник,
Поясняет прилежно:
Раз из «раз, два, три»,
Два из «раз, два, три»,
Три из «раз, два, три».

Польза балкона

Четыре года ей,
Мила,
Послушна,
То внучка друга.

Так нравится ей
Бегать на балкон.
Пока мы с другом
за вином сидим, за этот час,
Раз десять к нам выбегала.

А спросишь: «Зачем?»
Она тихонько на ухо
Шепнёт:
«Испортить воздух!»

Изображения святых

Написал я немало святых:
кого сидя,
стоя кого,
кто взирал милосердно,
кто сурово и строго.
Пусть их позы различны,
не равно почитание,
но у каждого слева из них
надпись в два ряда:
такой-то поклоняется,
день, месяц и год.
Этот некто — мой однокурсник,
Оттого и неловко открыть его имя.

Дрессирует собаку

Маленький мальчик ботинок
бросает в угол дальний сада
и жёлтой собаке рядом велит:
«Хуань-хуань, взять!
Принеси папу!»
И когда Хуань-хуань положит к ногам ботинок,

тогда он другой,
тот, что поменьше, ботинок швыряет
и жёлтому псу большому велит:
«Хуань-хуань, взять!
Принеси маму!»
И оба непарных ботинка вот так туда-сюда
он бросает,
а жёлтый пес большой всё возвращает обратно.
И так до той поры, пока дед с бабушкой не
позовут к столу.

Хуан Тулу

黄土路

(род. 1970)

Пер. М. В. Черевко

Европейская кухня

Я помидор разрезал, и ещё раз разрезал,
и по кусочкам съел,
а после на две части разрезал рыбу
и за два раза съел
пока не подали мне новых блюд
я тень от дерева на части порезал
и солнца лучи тоже на части разрезал
от взгляда болгарки с обнажёнными плечами,
что за столом напротив,
тоже отрезал кусочек
и вот уже было я всё вперемешку собрался съесть
в момент тот самый печёный мне картофель принесли

Колокольная башня старого города

Послушай, как те, кто держит огород, бьют в колокол,
Как сборщик нечистот бьёт в колокол,
Те, кто таскают груз, бьют в колокол,
кто спину гнёт, бьют в колокол,
как девушки, продавшие себя, бьют в колокол,
и дети, что живут в горах, бьют в колокол,
те, кто вдали от дома, бьют в колокол,
те, кто уснул, бьют в колокол,
и так ушедших много бьёт в колокола,
послушай, божество бьёт в колокол.
И мир под бой колоколов уснул.

Сон

Во сне увидел мальчика, подобного орлу,

как только он мне приснился,
Так сразу исчез.

Хуан Кайбин

黄开兵

(род. 1979)

Пер. М. В. Черевко

**Среди трёх идущих обязательно есть тот, у кого я смогу
чему-то научиться**^[56]

Игре в шашки учился у Амэна,
который в шашках ноль,
Я покеру учился у Чжан Лина,
что не игра — то мимо,
А клеить девушек меня Ван Цзай учил,
что холост до сих пор,
Ли Голова Большая учил, как делать деньги,
сам же день изо дня ест лапшу заварную,
С людьми сходиться Чэнь слепой учил,
что до сих пор слепым рядится у дороги.
Сейчас, когда меня берутся жизни поучать,
Их всех я вспоминаю.

Вера

Третий дядюшка в храме Земли
благовония возжигает.
Я его засмеял:
«Разве под флагом партийным
клятву тогда не давал?»
Третий дядюшка пояснил: он вообще атеист,
А благовония
Он за тетушку воскуряет.

Нужны ли игрушки хорошим деткам?

У меня был комок глины.
Можно слепить свинку,

Собаку,
Вылепить лошадь,
И однажды
Мне придется вылепить нож,
Слепить ружье,
Слепить танк,
Слепить армию,
Всё для того лишь, чтоб защитить
мою свинку,
мою собаку,
мою лошадь,
А ещё мой ком глины.

Отчаяние

Стоя на берегу реки,
Печалюсь о глыбах камней.
Один за другим я перевернул,
Глаза им дорисовал.
А они всё так же глядят, но не видят.
Каждому из них ноги пририсовал,
Но им всё так же не убежать.

Десантница обожглась, налетев на провода высокого напряжения

Шри-Ланка —
из новостей
выхватил несколько фраз и слов.
Вдохновил меня факт лишь один,
что теперь только осознал.
В волновавших меня сюжетах
не сочувствовал раньше героям событий.
Вот, например, военная десантница обожгла ноги,
дочитал до
«ноги обожгла»,
мне не больно ничуть.
Ну хотя бы той девушки
имя, —

в новостях нет имён, —
вот и мне всё равно.
Было бы имя,
тоже ближе бы к сердцу не принял.
Может, всё оттого лишь, что с ней незнаком?
Десантница
На высоковольтные провода
налетела,
обожглась —
всё складно.
Выжила
чудом.
Но я лишь только запомнил слово одно —
Шри-Ланка.
До чего бесподобно звучит!

Ленивые коты у стены

Минуя дом четыре «би», заметил:
четверо котов цепочкой в ряд,
вдоль стенки растянувшись, спят.
Шагами испугнутая, мышь
вмиг юркнула внутрь сада у стены.
Из тех котов один лишь веки чуть приподнял,
захлопнув тут же, и продолжил спать.
А трое остальных — внимания ноль.
Я здесь вспылал.
В саду я горсть земли набрав,
швырнул в их сторону,
тогда лишь встрепенулись
И с визгом врассыпную бросились.

Хуан Фан

黄芳

(род. 1975)

Пер. М. В. Черевко

Как будто

Прохладен ветер, словно
выдох листьев прозрачен он.
Неспешно течёт вода в реке.
Кто-то посреди реки плывёт на лодке, помогая себе
веслом, как будто эдак все сердечные заботы
Топит, опуская ко дну.

Та, что торгует урожаем, педали крутит доверху гружёной
морковью, огурцами, луком, перцем, томатами
повозки трёхколесной, а та трясётся всю дорогу.
И не сравнится грубому лицу её с нежнейшим брокколи в тележке,
зато приветлив вид, совсем как у горы
картофеля, что перекачивается.
Вероятно, у неё — сын, у которого над губою
пушок едва заметен,
Может статься, дочь у неё, ждёт, всё ждёт той
цветастой юбки.

По пути
июньский ветерок как будто свежесть от листвы разносит
далеко. Как будто я вот-вот
зелёную лужайку повстречаю, а также
бродягу, что гонится за белой бабочкой,
всё напевая детские мотивы.

Вечерний свет

Ещё, быть может, любишь ты меня.
Последний жаворонок полевой затихнет лишь,
Твой мрак

с моим соединится.
Ты помнишь, неотступно был с тобой
от юга к северу?
При тусклом свете твоём
свободен я настолько, словно
яблоко, которое вот-вот нальётся и
в дождь лишь набирает сладость.

О книге

СЛОВА, УПАВШИЕ В ВОДУ

Современная поэзия Гуанси

Перевод с китайского

Ответственный редактор и составитель *А. А. Родионов*

Корректор *Н. М. Казимирчик*

Художник *П. П. Лосев*

Оригинал-макет *М. А. Василенко*

Издательский Дом «Гиперион»

195269, Санкт-Петербург, ул. Лифляндская д. 6, лит. «М»

Тел./факс +7 (964) 611-8961

E-mail: hyp55@yandex.ru

www.hyperion.spb.ru

Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

16+ | *Издание не рекомендуется детям младше 16 лет*

Примечания

1

Правление в Китае династии Тан приходится на 618–907 гг.

2

Цинь Шихуан (259–210 гг. до н. э.) — правитель империи Цинь, осуществивший объединение Китая в централизованное государство.

3

Линнань — историческая область, соответствующая сегодняшним Гуанси-Чжуанскому автономному району, провинциям Гуандун и Хайнань.

4

Линцзюй — канал в Гуанси, прорытый в 214 г. до н. э.

5

Уезд Хэпу входит в современный город Бэйхай на побережье Южно-Китайского моря и был одним из важнейших портов морского Шелкового пути.

6

Ханьцы — самый многочисленный народ в Китае, составляющий 92 % его населения.

7

Шэньчжэнь — мегаполис в провинции Гуандун на юге Китая, ставший символом успеха китайских экономических реформ.

8

Ма Лян — художник, герой сказки детского писателя Хун Сюньтао

(1928–2001), обладавший сверхъестественными способностями.

9

Лу Синь (1881–1936) — один из основоположников современной китайской литературы, лидер левых писателей.

10

Ду Фу (712–770 гг. н. э.) — танский поэт, один из величайших литераторов Китая. Автор намекает на бесконечные странствия Ду Фу.

11

Ли Бо (701–762 гг. н. э.) — великий танский поэт, известный своим безрассудством и пристрастием к вину.

12

Сян Юй (232–202 гг. до н. э.) — военачальник, затем гегемон Западного Чу, разбивший циньские войска. Позднее был окружен другим претендентом на трон Поднебесной, Лю Баном (основателем династии Хань), и совершил самоубийство, перерезав себе горло. Воспет в китайской литературе разных жанров и эпох.

13

Ван Сяобо (1952–1997) — современный китайский писатель, произведения которого отличает язвительный юмор и особое внимание к непристойностям.

14

Цуй Цзянь (р. 1961) культовый китайский рок-музыкант.

15

Бартоломеу Диаш (1450–1500?) — португальский мореплаватель.

16

Чжэн Хэ (1371?–1433?) — китайский мореплаватель и дипломат,

посетивший с экспедициями Индию, восточное побережье Африки и Аравийский полуостров.

17

Гуандун — развитая провинция на юге Китая, куда устремляются со всего Китая в надежде преуспеть.

18

«Троесловие» — написанный трехсложным стихом рифмованный текст, содержащий основные постулаты конфуцианской морали. Входил в состав текстов, обязательных для заучивания детьми на начальном этапе обучения грамоте. Создан литератором Ван Инлинем в эпоху Сун (960–1279).

19

«Наставления ученикам» — трехсложный рифмованный текст, содержащий наставления из «Лунъюя» в доступной, легкой для запоминания форме. Создан Ли Юйсю в эпоху Цин (1644–1911).

20

«Песня печеных лепешек» написана в 1368 году литератором Лю Цзи (1311–1375) для первого императора династии Мин в качестве ответа на вопрос о судьбе династии. Текст оказался пророческим. Получила свое название потому, что достопамятному разговору предшествовала проверка пророческих способностей Лю Цзи: когда он пришел на аудиенцию, император подал лепешку с кунжутом, и, услышав голос Лю Цзи, накрыл ее плоской, попросив угадать, что под ней. Лю Цзи проверку прошел.

21

В буддизме принято сравнивать внутреннюю чистоту и искренность сознания с благовониями, воскуряемыми во славу Будды.

22

Гороскоп в Китае составляется исходя из даты (год, месяц, день) и часа рождения. Традиционно каждое из этих значений указывалось двумя

знаками из системы небесных стволлов — земных ветвей, принятой для исчисления времени. Таким образом, полная дата состояла из восьми иероглифических знаков.

23

Букв.: «в возрасте, когда уже нет сомнений». Расхожее выражение восходит к знаменитому высказыванию Конфуция.

24

По обычаям чжуанов похоронами распоряжается специально обученный даос, зачастую являющийся не монахом, а простым крестьянином, исполняющим функции распорядителя по необходимости.

25

Вид жертвоприношения умершим, когда бумажные изображения материальных благ (денег, вещей) сжигаются для переправки их в иной мир.

26

Один из двадцати четырех периодов китайского сельскохозяйственного календаря, первая половина первого лунного месяца.

27

Персонаж корейских комиксов.

28

Северные Династии — пять китайских царств, существовавших на территории Северного Китая (386–581).

29

Жест руки, когда большой и средний пальцы касаются друг друга, а остальные пальцы подняты вверх.

30

Кóновязь — место для привязывания лошадей: столб с кольцами или кольца с протянутой по ним веревкой.

31

«Вэйсинь» — китайская программа обмена сообщениями.

32

Сона — музыкальный язычковый инструмент, «заморская флейта».

33

Ли Цзунжэнь (1891–1969) — китайский военно-политический деятель.

34

Третья стража — с 23 часов до 1 часа ночи; четвертая стража — с 1 часа ночи до 3 часов утра.

35

Пятая стража — с 3 до 5 часов утра.

36

«Чжибэй» — букв.: «Указывающий на север».

37

Хуан имеет значение желтый.

38

Хуаньяо — городок в Гуанси.

39

Один из видов драконов с телом льва и головой дракона.

40

В Китае существует традиция сжигать бумажные предметы в дни поминовения умерших, чтобы те смогли ими пользоваться в другом мире.

41

Сюй Ятун — современная китайская певица.

42

Китайский народный танец.

43

Экзотический фрукт из рода цитрусовых, похож на большой грейпфрут.

44

Последователь даосизма. Вероятно, здесь речь идет о даосском монахе, который умеет исполнять даосские ритуалы и церемонии.

45

По одной из легенд, в 1385 г. Чжу Юаньчжан (основатель династии Мин), чтобы переправлять войска с юга из города Гэлин на север в город Бэйлю, предпринял устройство канала длиной 13 км, но работы были навсегда приостановлены через шесть километров, при этом в исторических источниках нет четкого объяснения причин. По второй версии, в 1387 г. Чжу Юаньчжан в экономических целях хотел соединить два водных потока Наньлюхэ («река, текущая на юг») и Бэйлюхэ («река, текущая на север») новым каналом, но проект потерпел неудачу, т. к. река Наньлюхэ начала мелеть.

46

Хуньу — девиз правления императора Чжу Юаньчжана в первые годы установления династии Мин (с 1368 по 1398 г.)

47

Так называют районы новостроек, в которых жилье настолько дорогое, что быстро не найти покупателей. В течение долгого времени они стоят

заброшенными и невостребованными.

48

В китайской мифологии на луне есть коричневая роща с лунным дворцом, где обитает небожительница Чанъэ.

49

По лунному календарю девятый день девятого месяца, когда в Китае поминают усопших. В этот день люди поднимаются на возвышенные места, холмы, горы, пьют рисовое вино и любуются хризантемами.

50

Вставные месяцы появляются в лунном календаре, причем вставной месяц редко выпадает на октябрь, поэтому такое сочетание встречается практически раз в столетие.

51

Речь идет о программе принудительной стерилизации женского населения, которая проводилась в Китае в рамках политики «одна семья — один ребенок».

52

В современном китайском языке телефоны марки Apple называют «яблоком».

53

Мера веса — около 50 кг.

54

Стихотворение посвящено терракотовой армии — захоронению примерно 8100 полноразмерных терракотовых статуй китайских воинов и их лошадей у мавзолея императора Цинь Шихуанди в городе Сиань.

55

Сянь-гун (384–362 гг. до н. э.) — правитель царства Цинь.

56

Цитата из «Лун юй» (гл. 7 «Шу эр», 22).